

Варяг

Святослав Яров

18+

Святослав Яров

Варяг

«Автор»

2023

Яров С.

Варяг / С. Яров — «Автор», 2023

Каково это - не супермену-спецназовцу, а самому обычному человеку двадцать первого века, - оказаться в Козельске накануне Батыева нашествия? Знать, что ждёт город и тебя вместе с ним, и не иметь возможности повлиять на ход событий... Сдаться без боя? Ну уж нет! Тем более, что, в отличие от той цивилизованной жизни, с которой он по независящим от него причинам расстался, здесь ему есть что терять...

Святослав Яров

Варяг

Что день грядущий нам готовит?

Стукнув деревянным молотком по деревянной же специально для этой цели предназначенной подставке, мировой судья огласил своё решение: брак расторгнут, ребёнок останется с матерью. Для участников процесса такой вердикт неожиданностью не стал, но на попытке теперь уже экс-мужа отвоевать у своей бывшей супруги пятилетнего сына поставил жирный крест.

Потерпев в храме Фемиды муниципального значения в целом вполне предсказуемое фиаско и пребывая по данному поводу в самом отвратительном расположении духа, мужчина вышел на улицу. На Москву опускались сумерки. Подёрнутое серой осенней мглой небо и накапывающий мелкий дождь были вполне под стать настроению. Он осмотрелся. Напротив, на фоне всепоглощающей беспросветности, ярким пятном зазывно светилась неоновая вывеска небольшого кафе. В голове новоиспечённого холостяка промелькнула, было, крамольная мысль: «Как-никак, шесть лет семейной жизни псу под хвост. Порция чего-нибудь крепкого сейчас – самое то. Вон и заведение подходящее. Может и впрямь, пойти вмазать?». Но после секундного раздумья он отказался от этой идеи и, подняв воротник плаща, направился к припаркованной в двух кварталах отсюда машине.

Решение не прибегать к помощи алкоголя было продиктовано не только необходимостью садиться за руль и пилить домой через весь город. Он и без того никогда не стал бы по давней русской традиции накачиваться спиртным с горя, на радостях или ещё по какому бы то ни было поводу. Ибо, во-первых, по личному опыту знал, что плотное общение с зелёным змием, облегчения не принесёт, зато, почти гарантированно обеспечит тяжёлое похмелье. А во-вторых, этот относительно молодой человек никоим образом не мог считаться носителем вышеозначенной порочной национальной традиции, поскольку так уж сложилось, что, будучи россиянином, к титульной нации он не принадлежал.

В его паспорте, на странице, где указываются фамилия, имя и отчество, значилось: Толле Эрик Христианович. И был он чистокровным пруссаком, точнее, онемеченным потомком пруссов – балтоязычного народа, населявшего берега Балтики, задолго до того, как в те места нагрянули тевтоны. Лишь присоединение Восточной Пруссии к СССР по окончании Второй мировой войны сделало, бывших тогда ещё детьми, дедушек и бабушек Эрика, как по отцовской, так и по материнской линии, гражданами Советского союза.

Надо полагать, благодаря своим прусским корням, он обладал типично прибалтийской внешностью, то есть был блондином и даже отдалённо напоминал Олега Видова, не без оснований считавшегося в своё время секс-символом советского кино. Впрочем, в отличие от соломенноволового красавчика-актёра, мужской брутальности в Эрике было побольше, а слащавости не наблюдалось вовсе.

Моросящий дождь сменился едва ли не ливнем, и Эрик успел промокнуть до нитки, пока добежал до машины. Когда он распахнул дверцу и плюхнулся на водительское сиденье, внутри обтянутого чёрной кожей кресла что-то жалобно скрипнуло.

– Сочувствую, но с годами никто моложе не становится, – назидательно произнёс Эрик, обращаясь к пятнадцатилетнему авто, словно к близкому другу.

Он любил свой старый добрый «трёхтысячный ЖиТи» – когда-то престижный, но с годами утративший холёный лоск. Плевать, что постарел. Ты поди с ним потягайся. Под капо-

том-то по-прежнему табун в три сотни лошадей. Словом, Эрик упрямо не желал менять ветерана на что-то более современное.

Достав из бардачка салфетку, он насухо вытер лицо и руки, вставил ключ в замок зажигания и запустил двигатель. Потом, поддавшись необъяснимому позыву, мысленно прокутил, как киноленту, всю свою жизнь. Фильмец получился коротким: родился, учился, работал, организовал собственный бизнес, женился, а теперь вот развёлся. Немногого, однако, я достиг, подытожил Эрик. Возраст Христа перешагнул, а деревья так до сих пор и не посадил. Зато сына родил и дом построил. Впрочем, сына Лариска сегодня у меня отсудила... Нет, общаться-то я с ним по-любому буду, какие бы козни она не сторила – не на того напала. А дом... Дом я ей сам отдам. Пусть забирает. Стерва она, конечно, но пацан-то почему должен страдать? Нельзя же допустить, чтобы Вовка прозябал в убогой «хрущёбе», единственной недвижимости, имеющейся в распоряжении его взбалмошной мамыши.

– Ну-с, ладно. Что было, то прошло, – трогаясь с места, вслух заявил Эрик то ли себе, то ли всему миру. – Начинаю новую жизнь. Что у нас завтра? Суббота? Вот с завтрашнего дня и стартую.

Утро следующего дня, то есть первого дня запланированной новой жизни, Эрик начал с давней своей личной традиции – отправился в Коломну, которая за последние одиннадцать лет превратилась для него в город выходного дня. Почти каждую субботу или воскресенье, а по возможности и весь уикенд, он проводил там. Регулярность визитов в мало чем выдающийся подмосковный райцентр объяснялась просто: Эрик Толле был фанатом скайдайвинга, или, проще говоря, завзятым поклонником парашютного спорта, а в трёх километрах от Коломны располагался «Аэроград» – вполне себе современный аэроклуб.

Последний поворот, и машина уткнулась в металлические ворота. Через минуту знакомый охранник распахнул створки и, пропуская вновь прибывшего на территорию аэродрома, приветливо помахал рукой. Эрик тоже в долгу не остался и поздоровался с привратником лёгким нажатием на клаксон. Потом припарковал «мицубиси» на стоянке плотно заставленной автомобилями и, прихватив из багажника спортивную сумку, направился к раздевалке.

Что погода для прыжков не самая подходящая, понятно было с утра, но всю дорогу Эрик лелеял хрупкую надежду, что проделает дальний путь не зря. Теперь же, в который раз глянув на хмурые небеса, плотно занавешенные свинцовыми облаками, он в этом усомнился. Вдобавок, периодически меняя направление, резкими порывами налетал ветер, отчего установленный на кромке лётного поля «колдун»* мотало из стороны в сторону, словно тот взбесился.

Шняга та еще, уныло констатировал Эрик: облачность низкая, ветер рваный. Он окинул взглядом своих, откуда только не понаехавших соратников по небу, столпившихся возле административного корпуса. Народу собралось прилично – сотни полторы, и все без исключения ждали обнадеживающей информации о погоде. Среди пёстрого разноцветья спортивных комбезов Эрик углядел человека, который почти наверняка знал, стоит ли чего-то сегодня ждать. Это был дядя Миша, неторопливо шагавший к ангару. Эрик двинулся ему наперерез.

Дядю Мишу – Михаила Петровича – знали все, кто имел отношение к аэроклубу. И хотя никто не располагал достоверной информацией о его статусе в клубной иерархии, порой складывалось впечатление, что он заведовал здесь если не всем, то уж точно очень многим, и авторитет его в «Аэрограде» был непререкаем. Дядя Миша командовал инструкторами, устанавливал очередность прыжков, и был той самой инстанцией, которая в последний момент перед посадкой в самолет решала, попадёшь ты на него или же нет.

Ежели обнаруживались хоть малейшие признаки разгильдяйства, несобранности или, того хуже, несоблюдения норм безопасности, у Михаила Петровича разговор был короткий. Что? Перегар после вчерашнего? До свидания. Не успел застегнуть грудную? До свидания. Пойдёшь со следующей партией. Замешкался и отстал от своей группы? До свидания. Жди

другого взлёта. Несмотря на то что люди приезжали сюда поразвлечься, причём отнюдь не безвозмездно, никакие ссылки на объективные причины во внимание не принимались. В этом смысле, дядя Миша был кремень – изгоем мог стать любой нарушитель правил, невзирая на социальное положение и давнее личное знакомство, если таковое имело место быть.

Да и вообще, Михаил Петрович, несомненно, являл собой местную достопримечательность, о которой, честно говоря, мало что было известно, кроме того, что количество прыжков у него зашкаливает за

*«Колдун» (сленг) – эластичное конусообразное приспособление, показывающее направление и силу ветра. Используется главным образом в авиации.

двенадцать тысяч. Что же касается всего остального... Судя по выправке, бывший военный, скорее всего, офицер. Высокий, статный, седоволосый с вечно загорелым, вне зависимости от времени года, мужественным лицом. Встретив такого мужчину, скажем, на улице, едва ли кто дал бы ему более пятидесяти. Для Эрика его возраст перестал быть загадкой лишь месяца полтора назад, когда после сообщения о готовящемся вылете громкоговоритель неожиданно во всеуслышание поздравил Михаила Петровича с шестидесятилетием, что многих удивило.

Человек он был общительный, но фамильярности не терпел, а посему дядей Мишей его величали лишь за глаза. Эрик всегда обращался к нему исключительно по имени-отчеству.

– Здравствуйте, Михаил Петрович, – вежливо поздоровался он, подойдя поближе.

– Привет, – кивнул тот в ответ, намереваясь пройти мимо.

Но Эрик притормозил его вопросом:

– Как полагаете, угроза прыжков миновала?

Эту затасканную шутку дядя Миша, разумеется, слышал неоднократно. Он скептически хмыкнул, потом посмотрел на небо и обнадёживающе буркнул что-то вроде: «Не уверен». После чего вновь возобновил движение в сторону ангара.

Подобный ответ означал одно – прыжкам быть. Настроение сразу улучшилось, и Эрик отправился переодеваться. При входе в раздевалку нос к носу столкнулся с Максимом Зайцевым, успевшим уже облачиться в комбез. Они лет пять приятельствовали, и неожиданная встреча обрадовала обоих.

– Какие люди. – Макс расплылся в добродушной улыбке, но настрой у него, по всему виду, был отнюдь не боевой. – Я на всякий пожарный переоделся, но чую, ждёт нас отбой.

– Не факт, – многозначительно заметил Эрик, пожимая ему руку.

– Одно из двух: или я что-то пропустил, или ты что-то знаешь, – недоверчиво проворчал Макс. – Откуда информация?

– От дяди Миши, – не стал скрывать Эрик.

– Тогда, действительно, не всё еще потеряно, – воодушевился Макс. – Пойду писаться во взлёт. Ты в теме?

– Само собой, – сказал Эрик, распаковывая сумку.

Он быстро переоделся в «патриотический», как шутили ребята, красно-бело-синий комбинезон, накинул на плечи лямки ранца с «крылом» и защёлкнул замки грудной перемычки и ножных обхватов. После чего, сунув шлем с очками под мышку, покинул раздевалку. Весь процесс не занял и пяти минут.

Как и следовало ожидать, туманный намёк, типа прогноз, выданный дядей Мишей, сбылся. Погода не то чтобы заметно улучшилась, но чуток разгулялась. Облака вроде как посветлели, превратившись из грязно-серых в серовато-молочные, и ветер поутих. А вскоре Макс, Эрик и еще десятка полтора счастливицков погрузились в «элку»* и расселись в порядке очередности отделения на двух длинных скамьях вдоль бортов.

Натужно ревя моторами, старенький самолёт, давно разменявший четвёртый десяток, покатился по взлётной полосе и после короткого разбега оторвался от земли. Высоту набирали минут пятнадцать. Эрик поглядел на «высотник»** у себя на запястье. Четыре тысячи. Всё – вышли на исходную. И тут же, словно подтверждая его вывод, на стенке справа от двери загорелась белая лампа – сигнал готовности. Ребята повставали со своих мест и образовали цепочку в строгом соответствии с установленной дядей Мишей ещё на земле очередностью.

Эрик, которому предстояло прыгать первым, не без натуги отодвинул в сторону дверь, за которой не было ничего кроме молочной белизны. Салон наполнился гулом моторов и свистом рассеяемого воздуха. Тут же рядом с белой вспыхнула зеленая лампа. Стало быть, пора на выход. Пошёл! – скомандовал он себе.

Свободное падение. Вот уж воистину, неземное наслаждение. Ты паришь, словно птица. Только ты и небо – один на один. И, что характерно, несмотря на уже... э-э-э... тысяча четыреста двадцать девятый прыжок, новизна восприятия не притуплялась и не блекла, скорее обострялась. Всякий раз это было как-то иначе, по-новому.

Сейчас, к примеру, ему показалось, что время остановилось, а сам он завис в густой белой облачной пелене, и никакого движения нет. Но показания «высотника» такие предположения опровергали – движение было, да ещё какое. За считанные секунды Эрик преодолел четыреста метров, и скорость возрастала. Обычно при прыжках с четырёх тысяч, две с половиной из них парашютист преодолевает в свободном падении. Длится это блаженное состояние минуту или чуть больше, затем скайдайвер раскрывает «крыло» и переходит к управляемому полёту под куполом.

Неожиданно в мозг сотней иголок впился вибрирующий неприятный звук – сработал вмонтированный в шлем зуммер. Сигнальное устройство было завязано на показания альтиметра, и Эрик быстро поднес левую руку к глазам. Если верить прибору, то минимальная высота раскрытия основного парашюта уже пройдена. Кто бы объяснил, как такое возможно? По его прикидкам, до земли оставалось не меньше двух км, а никак не жалкие три сотни метров. Дорога каждая секунда. Миг стоит жизни. Мелькнула отчаянная мысль: «Ни черта не понимаю, но такого быть не может». Мозг ещё пребывал в растерянности, а правая рука, слепо повинувшись сигналу тревоги, уже рефлекторно выбросила «медузу»***.

*«Элка» – Л-410 «Турболет», чехословацкий универсальный двухмоторный самолёт.

**«Высотник» (сленг) – высотомер или альтиметр, прибор, указывающий высоту полёта.

***«Медуза» (сленг) – вытяжной парашют.

Секундная пауза. Приглушенный хлопок и последовавший за ним ощутимый рывок вверх возвестили о раскрытии основного купола. Но тут же окружавшая его ватная пелена, словно по мановению волшебной палочки, разорвалась, и Эрик увидел в опасной близости под ногами стремительно надвигающуюся землю. Его пробил холодный пот. Умом понимая, что столкновения не избежать, он всё же попытался предпринять единственно возможный в такой ситуации манёвр – «сделать подушку»*, резко потянув за клеванты**, но было поздно...

Почти по Булгакову

Словно из глубокого колодца, до него приглушенно донеслось:

– Эй, мил человек.

Эрик открыл глаза, но ничегошеньки не увидел, потому что вокруг царил непроницаемый мрак. Может, почудилось?

– Мил человек, слышь-ка? Ты чево ж эта... стоном-та стонешь? – вновь прозвучал в ушах тот же голос, но уже отчетливее.

Значит, не почудилось. Где-то поблизости определенно находился кто-то ещё, и этот кто-то только что обратился к нему со своим нелепым «мил человек». Чтобы сориентироваться в пространстве, что в кромешной тьме сделать было совсем не просто, Эрик пошарил руками вокруг себя и выяснил, что полулежит на жёсткой соломе, опираясь лопатками о стену из осклизлых бревен. Уже интересно.

Окружающая темнота, показавшаяся поначалу чернильно-чёрной, вроде бы, чуть посерела. Вероятно, зрение пыталось приспособиться к окружающим условиям, но усилия его оказались тщетны – все равно не видно было ни зги. От лежания в неудобной позе спина и ноги страшно затекли, однако попытка придать телу более комфортное положение незамедлительно отозвалась тупой ноющей болью в затылке.

Стараясь не делать резких движений, Эрик осторожно потрогал макушку. Ощущение горячего и липкого на ладони его не обрадовало. Кровь. Он попробовал припомнить, хоть, что-нибудь из своего, судя по свежей кровотокающей ране на голове, недавнего прошлого. Получилось не очень. Тогда решил разобраться с настоящим.

– Кто здесь? – не узнав собственного голоса, сипло спросил он у темноты.

*«Сделать подушку» (сленг) – погасить скорость парашюта путем вытягивания строп управления и изменения тем самым траектории полета.

**Клеванты – матерчатые кольца, сшитые из капроновой ленты с петелькой или колечком для привязывания к стропам управления.

– Кто-кто... – сварливо отозвался невидимый некто. – Вестимо, кто – колодник.

– Кто? – переспросил Эрик, не без труда приняв сидячее положение.

Таращась в непроглядную темень, он силился разглядеть говорившего, но, как и прежде, не увидел ничего кроме начинки квадрата, сделавшего Казимира Малевича всемирной знаменитостью.

– А где это мы? – так и не дождавшись ответа, продолжил расспрос Эрик.

– От ить, – проворчал голос, дивясь неосведомленности собеседника. – Игде? Вестимо, игде – в княжьем порубе.

Что за бред? Поруб? Колодник? Да ещё и диалект у товарища какой-то своеобразный. Но тут Эрику стало не до рассуждений – его накрыла такая мощная смрадная волна, что даже дыхание перехватило. Надо полагать, к нему вернулось обоняние по необъяснимым причинам временно отсутствовавшее. Ноздри резанул запах давно немывтого тела, мочи и... В общем, воняло здесь, как в общественном сортире на захудалом полустанке. Но дышать-то все равно как-то надо было.

После вынужденной паузы на адаптацию к специфическому аромату, Эрик вернуться к прерванному диалогу с колодником.

– Эй, ты! – грубовато окликнул он невидимого соседа. – Как я сюда попал?

– Как-как... – отозвался голос из тьмы. – Как все, так и ты... Крышку, вона, сдвинули, да ты сверху скинули.

И сам же рассмеялся собственному примитивному каламбуру. Однако Эрик перл замороженного юмориста не оценил – не до того было.

– Погоди-ка... – слегка оторопел он. – Так мы что – в яме, что ли?

– А-то игде жа? Сказано жа, в порубе княжьем.

Что за хрень здесь творится? – задался вопросом Эрик.

– Слышь, рифмоплет, – снова обратился он к скрытому темнотой собеседнику, – много тут еще народу или только ты да я, да мы с тобой? Ни черта ж не видно.

Послышался скрипучий смешок:

– Кхе-хе-хе... Ты, право, чудно баешь, быдто не русской. Двое нас и есть.

Эрику вдруг поплохело. У него закружилась голова, и он снова привалился к холодной, влажной стенке.

– Как звать-то хоть тебя, говорун? – слабым голосом спросил он.

– Козьмой кличут.

– А меня Эриком зовут, – представился он.

– Стал быть, и впрямь не русской, – утвердился в своей правоте таинственный Козьма и строго прибавил: – А по мне, хошь как зовись, тока не стони боле. Дай покою.

Помолчали. Потом Эрик, переждав накатившую волну дурноты и головокружения, возобновил разговор. Невмоготу ему было сидеть в вонючем порубе, да еще и молчать:

– Козьма, а, Козьма! – позвал он.

– Чё? – нехотя отозвался тот.

– Подойди поближе.

– От же ты – башка дурья, – сокрушенно вздохнул Козьма. – Сказано, в колодках я. Коли те надобно, так сам и подойдь.

– Остряк-самоучка, – буркнул Эрик, но все же пополз на голос. Преодолев пару метров, он наткнулся рукой на какую-то массивную деревяшку, а вернее сказать, тяжелые деревянные оковы, из которых торчали босые ноги. Ну и дела. Так вот про какие колодки он лопотал.

– Полехше, – дернулся невидимый Козьма, пытаясь отстраниться, когда Эрик задел его пятки. А тот, не зная, что и думать, нащупал стену и уселся рядышком.

– Это за что ж тебя так упаковали? – в замешательстве спросил он.

– Вестимо, за што – за недоимку, – как нечто само собой разумеющееся, сообщил Козьма.

– Выходит, ты – злостный уклонист, – попытался пошутить Эрик.

– Чё? – переспросил колодник.

Эрик, призадумался: как бы донести до собеседника смысл понятия «злостный уклонист».

– Ну, это тот, кто не желает платить... – начал было он, но запнулся, сообразив, что, хоть они с этим человеком и говорят вроде бы на одном языке, тот вряд ли сможет его понять. Тогда, бес его разберет, из каких соображений, Эрик зачем-то ввернул подзабытое старинное словечко, – ...дань. Уразумел?

– А то! Чё же не уразуметь, – оживился Козьма, заведясь с полуоборота, – видно, тема была ему близка и понятна, – и принялся горячо доказывать: – Тока я десятину отдал, как положено, а тиун причепился – ищо неси. Дело-та кузнечное, хоша и верное, а лишнева ни с каво брать не положено. Да и откуда ему взяться, избытку, кады у меня, эвон, детишков пятеро – мал мала меньше, от земли не видать? Эт, грю, што жа, последнее отдать, а самим голодом сидеть? А он: то дело не мое. Отдай, а тама, как хошь, так и сиди. Слово за слово. Он меня плетью, а я на кулачках биться горазд, ну и... Вот сижу поколь – княжьего суда дожидаюсь.

Выплеснув наблевшее, Козьма вздохнул с некоторым облегчением. Понятно дело, выговорился человек, отвел душу. Только вот Эрику от этого легче не стало. Чего уж лукавить – он был близок к отчаянию. Что за фигня? Где я? Куда меня нелегкая занесла? – вопрошающе уставился он в темноту. Темнота безмолствовала.

И, главное, ни черта ж не помню: где был, что делал, прежде чем сюда угодить, продолжал теряться в догадках Эрик. От нервного перенапряжения клетки мозга ожили и активизировались. Из недр памяти помаленьку стали всплывать кое-какие обрывки событий, которые, в конце концов, выстроились в цепочку: суббота, Коломна, «Аэроград», прыжок, взбесившийся альтиметр и... Будучи опытным парашютистом, он не мог не знать, чем заканчиваются подобные вещи. Да меня же должно было расплющить, как камбалу. Я просто обязан был разбиться. А вместо этого, если и не совсем здоров, то жив, уж точно, и сижу в яме. Мистика какая-то.

Невольно напомнив себе таким кружным путем о кровотокащем затылке, Эрик стал осторожно его пальпировать. Результат самообследования не мог не порадовать. Кость, вроде, цела.

Сама рана рваная, но неглубокая, хоть и кровит прилично. Уж не знаю, кто и чем меня по головушке приласкал, однако удар, по счастью, прошел вскользь, а частичное скальпирование – пустяки. Во всяком случае, это вам не множественные переломы с последующим летальным исходом, как того следовало бы ожидать от встречи с землей на приличной скорости. И впрямь, мистика.

Тут над головой у него послышались тяжелые шаги, поскрипывание неплотно пригнанных досок, и характерный скребущий звук сдвигаемой деревянной крышки. И сразу же сверху, через образовавшееся квадратное отверстие, хлынул поток света. Был он не таким уж и ярким – самый обычный дневной свет, но Эрику после непроглядной тьмы показалось, будто кто-то внезапно врубил киловаттный, никак не меньше, прожектор. Пришлось даже зажмуриться и прикрыться рукой.

– Эй, вы! Живы аль нет? – басовито осведомился мужской голос.

– Покуда не померли, – жизнерадостно отозвался Козьма. – Мож, што доброе скажешь? А, Данила? Князь-то воротился?

– Ноне воротился, – угрюмо ответил бас. – Да тока тебе с того добра ждать не след. А и дурень же ты, Кузяха! – в сердцах ругнулся Данила и сочувственно заметил: – С кем тягаться удумал? С тиуном. От, помяни мое слово, поставят тя на правеж – отведаеть батогов.

– То в княжьей воле. Как ён решит, так тому и быть, – рассудительно возразил колодник, закончив утверждением: – А князь у нас праведный.

– Дурень ты, дурень и есть, коли в правый суд по сю пору веруешь, – с сочувственным вздохом заметил Данила, сворачивая никчемную дискуссию. – Дондеже сиди. Князю второй, што с тобой, потребен. В гридню ево привесть велено.

Не поняв, наверное, половины слов, Эрик всё же догадался, что речь идет о нем, и воодушевился. Вот и ладно. Глядишь, разберусь, наконец, что к чему. А то: князь, тиун, батоги... Глаза его уже привыкли к свету, и он увидел, как из освещенного отверстия в паре метров у него над головой спускается грубая деревянная лестница. Заодно мельком успел разглядеть соседа по узилищу, который оказался кряжистым курносый мужиком, на вид лет сорока, с всклокоченной бородой и давно нечесаными волосами на голове. Одет он был в... Эрик понятия не имел, как это называется, но интуитивно окрестил просторную длинную рубаху и штаны из грубой толстой ткани, похожей на мешковину, рубищем. Колодник сидел на соломе, привалившись к бревенчатой стенке. Грязные босые ноги так комично торчали из деревянных оков, что Эрик едва сдержал улыбку.

– Вылазь, нашелец, – скомандовал сверху Данила.

– Ну, прощевай покедова, Ерик, – бодро напутствовал его неунывающий Козьма. – Авось и свидимся ищо.

Кивнув колоднику, он буркнул на прощание: «Все возможно...» и стал карабкаться по шаткой лестнице. Наверху его встретил дородный дядька, облик которого, пожалуй что, кого угодно заставил бы усомниться в собственной адекватности. Дядька сильно смахивал на Илью Муромца из знаменитой васнецовской троицы русских витязей в «Третьяковке».

Как будто с него и писали. Та же brutальная физиономия мужика зрелого возраста в сочетании с сурово-сосредоточенным взглядом и окладистой бородищей. Та же богатырская статья: при не шибко высоком росте широченные покатые плечи, могучие ручищи и бочкообразная грудь, плавно переходящая в объемистый живот. Та же и экипировка: на голове остроконечный шлем, тело покрыто кольчугой, доходящей до колен, на поясе болтаются ножны с длинным мечом. Словом, всё как полагается.

Не меньший сумбур в мысли Эрика внёс его собственный прикид, на который он только теперь удосужился обратить внимание – раньше как-то не до того было. Мама дорогая, это в какой же психушке меня так приодели? Красно-бело-синий комбез сменила безразмерная рубаха из грубой холстины, надетая прямо на голое тело, и такие же штаны – всё, точь-в-точь

как у Козьмы. Правда, в отличие от последнего, какая-никакая обувка у Эрика имелась. На ногах красовалось нечто отдалённо напоминающее... мокасины. Ну, в общем, что-то, состряпанное из лоскута толстой кожи и перетянутое кожаными ремешками.

Ответа на вопросы – куда, собственно подевался комбез, где «крыло» вместе с ранцем и куда запропастились очки, шлем, «высотник», кроссовки, футболка, носки и... нижнее белье, – у него не нашлось. Впрочем, можно было догадаться, что и парашютное снаряжение, и одежда, очевидно, сменили владельца. Мало того, что обобрали, так ещё и по репе настучали, ну или в обратном порядке, резюмировал Эрик. А, с другой стороны, всё могло закончиться и значительно хуже.

– Спасибо, не убили, – вслух произнес он.

Данила, занятый водворением на место массивной деревянной крышки, запиравшей поруб, и прилаживанием на место тяжеленного засова, на это замечание никак не отреагировал. Тогда Эрик, оторвавшись от созерцания своего облачения, решил осмотреться. Ничего, что помогло бы хоть как-то прояснить ситуацию, он не увидел по одной простой причине: то, что Козьма назвал порубом, было обустроено в углу поросшего жухлой травой небольшого, буквально четыре на четыре метра двора, образованного тремя глухими бревенчатыми стенами каких-то строений непонятного назначения и высоким тёсовым забором с калиткой посередине.

Ничего, ещё не вечер, обнадежил себя Эрик. Куда-то же этот Данила меня отсюда поведет. Тот закончил возиться с крышкой и молчком направился к выходу со двора, кивком головы предложив следовать за ним. Однако оказавшись за калиткой, Эрик, едва успев по инерции сделать шаг-другой, застыл как вкопанный. Было от чего. Он словно бы очутился вдруг в музее деревянного зодчества под открытым небом. Нечто похожее ему доводилось лицезреть, теперь уж и не вспомнить, где точно: то ли в Костроме, то ли в Великом Новгороде. Только сейчас его со всех сторон окружала самая что ни на есть взаправдашняя старина. Это был полностью построенный из дерева небольшой древний город. Или крепость. Или то и другое одновременно. Люди на улице тоже выглядели под стать современникам Ильи Муромца, то есть вполне соответствовали былинному облику Данилы и его рассказам о князьях, тиунах, батогах и чёрт его разберёт, о чём ещё. Это что ж за наваждение такое?

– Паки, паки... Иже херувимы... – пробормотал Эрик, припомнив реплику из булгаковского «Ивана Васильевича», который благодаря Гайдаю, менял профессию.

– Чаво? – озадаченно переспросил Данила, покосившись на своего подопечного.

Остекленевший взгляд Эрика и явственно читавшееся на лице растеряннo-беспомощное выражение, отбили у конвоира всяческую охоту задавать уточняющие вопросы. Бог весть, какими соображениями он руководствовался, но выводы на сей счет сделал довольно быстро, решив, по-видимому, что имеет дело с умалишенным. Сочувственно глядя на Эрика, Данила лишь понимающе покачал головой и, пробормотав: «Эк ты разобрало-та», потрепал его по плечу, напомнив таким деликатным манером, что надо бы двигаться дальше.

От такого «легкого» похлопывания пудовой ручищей Эрик едва устоял на ногах, но зато сразу выпал из заторможенного состояния.

– А? – встрепенулся он.

– Пошли, што ль, болезный? – по-доброму предложил Данила.

Эрик молча кивнул в ответ и послушно последовал за ним. Везет же некоторым, – чуть ли не с завистью подумал он, упершись взглядом в необъятную спину Данилы, мерно шагнувшего впереди. Перед человеком поставлена простая и понятная задача: вытащить из поруба на свет божий другого человека и привести его... Как он сказал? В гридню? Вот-вот. В нее, стало быть, и привести. Полная ясность. Никаких тебе сомнений и неопределенностей – чтоб я так жил!

Следует заметить, что, несмотря на этническую близость к народам, населяющим берега Балтики, по складу характера Эрик имел мало общего с «горячими» эстонскими или финскими

парнями, и ему не свойственна была присущая большинству прибалтов невозмутимость, давно ставшая притчей во языцех. Скорее уж, он чаще чем требовалось проявлял излишнюю горячность, характерную для южан. Но вот чего за ним точно не водилось, так это привычки суетиться и уж тем более истерить в сложных жизненных обстоятельствах. В том, что сейчас эти самые обстоятельства имели место, сомневаться, увы, не приходилось, и Эрик остался верен себе – ничего, похожего на панику, не испытывал. Напротив, подавленность уступила место любопытству, и он волей-неволей начал глазеть по сторонам, решив не делать скоропалительных выводов.

Итак, взору его открылось довольно крупное поселение, обнесенное мощной стеной высотой метров этак в семь-восемь, сложенной из толстенных бревен. Да и вообще, всё здесь было сделано из дерева: крепостные стены, сторожевые башни, дома и даже мостовые. Первое, что привлекло внимание, – стоявшая чуть особняком на зелёной лужайке большая рубленая двухшатровая церковь неимоверной красоты. В церковном зодчестве Эрик разбирался плохо, но как человек, ценящий всё красивое, в душе воздал должное мастерам, сотворившим сей шедевр.

Потом взгляд зацепился за... судя по всему, княжеский терем, хоромы, палаты... Кто его знает, как это называется. Наблюдать подобное Эрику было в диковинку. Даже ему, не имевшему никакого отношения к строительству, и то стало совершенно очевидно, что это замысловатое, кое-где двух-, а где-то и трехэтажное строение не являлось единым зданием. Основой, как бы стержнем, всей конструкции служила высокая восьмигранная башенка, увенчанная шатром. К ней примыкало нескольких крупных строений, имевших отдельный вход с крыльцом и связанных между собой крытыми переходами. К наружным стенам этих особнячков, в свою очередь, лепились более мелкие, скорее всего, хозяйственные пристройки. Но вот ведь что удивительно – вопреки неосознанной тяге человечества к симметрии, это бессистемное нагромождение стен, крыш и галерей отторжения не вызывало, а скорее зачаровывало какой-то особой неповторимой гармонией.

Вокруг двух этих местных архитектурных гигантов – церкви и замысловатого жилого комплекса неопределенной этажности, в котором наверняка обитал местный правитель, – ютилось множество бревенчатых построек попроще. Кое-где над тёсовыми крышами домов и домишек из печных труб вился дымок. Откуда-то доносился стук топоров: видно, кто-то занимался строительством. Жители городка, словно бы сошедшие с полотен Васнецова, неспешно шествовали кто куда по дощатым пешеходным дорожкам. Многие прохожие приветствовали Данилу и, перебросившись с ним парой слов, оправлялись дальше по своим делам. Вот, со свистом и улюлюканьем пронеслась ватага неугомонных мальчишек. Ни дать, ни взять, живущий тихой размеренной жизнью провинциальный городишко, решил Эрик, наблюдая сию умиротворяющую картину. Только почему-то очень древний.

От одной этой мысли он в мгновение ока камнем ухнул обратно в трясины безотрадных дум, из которой только-только начал, было, выбираться. Но на глаза Эрику попалась подернутая желтизной красавица-березка, затесавшаяся меж двух неказистых сараюшек, и хмарь на душе чуть рассеялась. А когда он перевел взгляд на синеватый небосвод, настроение ещё немного улучшилось. Ага, бабье лето, значит уних тут, смекнул он. Погожий денёк, небо ясное, солнышко, вон, светит ласково. Не жарко и не холодно. Комфортная погодка, насколько это возможно в сентябре. Хотя, насчет сентября – тоже вопрос, уже ни в чем не испытывая уверенности, усомнился Эрик.

С неба донеслось слабое курлыкание. Он остановился и, задрвав голову, уставился в бездонную лазурь. Высоко над землей плыл журавлиный клин. Счастливики, позавидовал им Эрик: на юга потянулись.

– Нонешний год зиме быть ранней да студеной, – послышался совсем рядом старческий голос.

В двух шагах от Эрика стояла, запрокинув голову и глядя из-под руки на удаляющихся журавлей, вся из себя аккуратенькая бабулька божий одуванчик. Ну, просто один в один сказочница из фильмов Роу.

– Это почему же? – поинтересовался Эрик.

Старушка снисходительно посмотрела на него, словно на недоумка какого, мол, то и малым детям ведомо, но растолковала:

– А как же. Ежели на Лупа Брусничника журавли сымаются, и думать неча – быть зиме вскорости, – терпеливо растолковала она. – И, вишь, как высоко летят? Стал быть, жди хлада лютого. То приметы верные.

Ни о каком Брусничнике Эрик до сего дня слыхом не слыхивал, однако без труда догадался, что это, по всей вероятности, имя какого-нибудь святого, связанное с определенной датой. Он собрался было выяснить, с какой конкретно, да не успел – Данила довольно бесцеремонно подтолкнул его в направлении княжеских хором. При этом он одарил старушку недобрым и в то же время опасливым взглядом. С чего бы это? – подумал Эрик, без возражений следуя за Данилой, который, отойдя на несколько шагов, сплюнул и мелко перекрестился, бубня себе под нос:

– От ить паскудное семя! В церкву ходит, а по сю пору, поди, зелия варит.

– Кто? – спросил заинтригованный Эрик.

– Да Алексиха, – отозвался Данила, не оборачиваясь. – Ведьмачка.

Ведьмачка? Колдунья, то есть? Что-то непохоже! Эрик даже оглянулся на бабульку, которая всё ещё продолжала стоять на том же месте и смотреть в небо. Как-то не верилось, что эта благообразная кроткая старушенция и вдруг... А с другой стороны, резонно рассудил он, откуда мне знать, как должна выглядеть ведьма? Подумал и забыл, потому что следом за Данилой начал подниматься по скрипучим ступенькам на резное крыльцо той самой то ли двух-, то ли трёхэтажной княжеской резиденции.

В гридне

Пройдя через наружную дверь, они попали в сени. Темно там было, хоть глаз выколи, но Данила, по всему виду, прекрасно здесь ориентировался. Он и впотьмах твёрдо проследовал ко второй, внутренней, двери и решительно распахнул ее. В отличие от первой, та была малость низковата. Приземистый, как медведь, богатырь миновал дверной проём в полный рост, правда, чуть бочком, чтобы не задеть плечищами за косяк, а вот более рослому Эрику пришлось наклониться, чтоб не врезаться лбом в притолоку. Но нет худа без добра – будь конвоир росточком поболее, возникли бы проблемы с обзором помещения, в котором они очутились, а так, любуйся на себе здоровье – никто не застит.

Внутри господствовала та же «васнецовщина», что и снаружи. Гридня – а до сегодняшнего дня Эрик понятия не имел, что это такое, – оказалась обширным помещением, которое, используя терминологию Даля, можно было бы назвать залой. Света, проникающего через десяток небольших подслеповатых слюдяных окошек, вполне хватало, чтобы в деталях рассмотреть внутреннее убранство. Итак, перед ним была просторная комната с массивным опорным столбом посередине. Стены голые, без каких-либо украшений. Отделаны тёсом. Вдоль стен широкие лавки. Необъятный стол, смещенный немного вглубь зала из-за центрального столба. В дальнем от входа углу иконы. Мерцает огонёк лампадки. Словом, ничего особо примечательного.

Иное дело люди. Здесь собралось десятка два, по большей части, молодых, если не сказать, очень молодых мужчин. Даже не мужчин – парней, почти мальчишек, средний возраст которых колебался где-то в районе лет двадцати, может, чуток побольше. Несмотря на то, что Эрику на глаза не попало ни одного вооружённого или хотя бы, просто соответствующим

образом экипированного человека, он ни на секунду не усомнился, что эти ребята имеют самое непосредственное отношение к военному делу, причём к такому же стародавнему, как и сам этот городок. Подтверждением чему служили сваленные в живописном беспорядке прямо на полу в ближнем углу червлёные щиты и разложенные на скамьях кольчуги, шлемы и мечи.

Надо полагать, добры молодцы только-только откуда-то возвратились, избавились от доспехов и оружия и теперь с шутками-прибаутками что-то обсуждали, рассевшись вокруг пустого стола. Пышущих здоровьем парней просто-таки распирало буйное веселье и бесшабашная удаль. Особенно выделялся один – этакий Микула Селянинович – ростом под два метра, «косая сажень в плечах», ну и все такое прочее. Общее впечатление несколько портила простецкая физиономия, тем не менее Эрик как-то сразу проникся к нему безотчетной симпатией.

Особняком от остальных расположились два мужика постарше. Они были серьезны и заняты обсуждением, по всей видимости, каких-то важных вопросов. Один восседал на покрытой узорчатым восточным ковром скамье, установленной под образами, и что-то втолковывал другому, который стоял рядом и слушал с почтительным вниманием.

Тому, что сидел, на вид было лет за тридцать. Если кто из присутствующих и мог безоговорочно претендовать на роль лидера, так только он. В пользу такого вывода говорило многое: и властное выражение лица; и надменная манера держаться, всем своим видом демонстрируя, что именно он и есть здесь самый, самый, самый; и вызывающе-роскошный наряд, состоявший из расшитой золотом одежды и отчасти прикрывающего всё это великолепие тёмно-синего плаща. Определённо он был здесь боссом.

Собеседник его строгим худым лицом чем-то походил на сильную хищную птицу. Колючий пронзительный взгляд из-под кустистых бровей только усиливал впечатление. Этот определённо давно перешагнул за «полтинник». Судя по глубокому шраму, пересекавшему наискось лоб, бровь и правую щеку – непонятно, как у него вообще глаз уцелел, – этот мрачноватый сухощавый седой дядька, одетый во всё чёрное, что называется, порошу понюхал предостаточно. Ощущалось в нём что-то от боевого генерала: немногословный, суровый, по всему видать, привыкший отдавать приказы.

Поначалу на вошедших никто внимания не обратил, поскольку, как уже говорилось, все были заняты кто чем. Тогда Данила, малость выждав для приличия, перекрывая гул голосов, пробасил, обращаясь к щёголю, которого Эрик и без подсказки уже определил, как старшего по рангу:

– Привел, как велено, княже!

После чего легонько подтолкнул конвоируемого вперёд, поближе к застланной цветастым ковром лавке, на которой расположился местный правитель. Гомон разом смолк. Князь, его собеседник и все прочие, сколько их там ни было, дружно уставились на Эрика. В гридне установилась такая тишина, что залети туда муха, её жужжание стало бы самым громким звуком.

Князь брезгливо поморщился. Причиной тому было исходящее от арестанта амбре. Эрик, которому и самому не очень-то нравилось источаемое его собственным телом и одеждой зловоние, отнёсся к гримасе неудовольствия на княжеской физиономии с пониманием, хоть, и не счёл это достаточным поводом, чтобы посыпать голову пеплом. Да, запашок тот ещё, но, в конце концов, не сам же я засадил себя в загаженную нечистотами яму.

– Отколь взялся сей человек? – спросил князь.

От компании молодых дружинников отделился здоровяк, который так понравился Эрику.

– Дозволь молвить, княже? – почтительно спросил детинушка, став перед князем.

Тот кивком разрешил говорить.

– Ноне рананье мы вкруг града дозором ходили, – начал дружинник. – Как Другусну вброд одолели, так возля вымостков на ево и наскочили. На Баковом лугу лежал телешом.

Должно, тати какие по завойку тюкнули да обобрали дочиста. – На лице парня появилась бесхитростная ухмылка. – Чем срам прикрыть и то не оставили. Разбойных-то людишек окрест развелось гибель. Озоруют. Ну, подъехали, глянули. Язва не смертная, живой навроде, тока в беспамятстве. Обрядили в какое ни то врегище да привезли.

– По што ж ты ево чуть жива в поруб-то определил?

– Оно, конечно, не мово ума дело, решать куда, а токмо спрос-та с ково? – стал оправдываться парень. – С меня, знамо. Ты ж с Избором в отлучке был, вот и помыслил я, а што, как подсыл ето?

– С чего ты так помыслил? – удивился князь.

– Даве владыка Евсевий сказывал, будто брадобритие у латинян богомерзких в обычае, а етот, вона, гля, лицом босый.

Тщательно выбритый Эрик и впрямь выглядел здесь белой вороной – он был единственным, у кого не имелось растительности на лице. У всех же прочих бороды и усы наличествовали, различаясь лишь по степени густоты и окладистости.

– Мож, и так, – раздумчиво протянул князь, поглаживая свою холеную бородку. – Да мнится мне, будь ён подсылом, не велик труд браду отростить. – И, обращаясь уже к Эрику, строго спросил: – Ты кто ешь таков? Правду реки.

Однако Эрик вопрос проигнорировал, вернее, даже и не услышал. Вероятно, краткая справка, выданная дюжим дружинником, стала последней каплей. И без того, всё увиденное и услышанное за последние полчаса-час никак не желало укладываться в рамки привычного мироощущения, а тут просто-таки хлынуло через край. Если до сих пор он допускал, что находится не совсем там, где ему надлежит находиться, то теперь вдруг с ужасающей отчетливостью осознал, что произошло нечто пугающе необъяснимое. Догадки и предположения разом обрели законченные очертания, и слабая надежда, что с минуты на минуту наваждение рассеется, и всё станет как раньше, таким, каким оно, собственно, и обязано быть, растаяла словно утренний туман.

Вот и определился, потерянно попытожил он. Цветочки кончились, начались ягоды. Древняя Русь, стало быть? Похоже, мира, в котором он жил до сих пор, больше не было, а если таковой и продолжал где-то существовать, то явно не здесь. Несомненно Данила, князь, дружинники, и даже колодник Козьма, сидящий сейчас в сыром порубе, пребывали в полной согласии со временем. Это была их эпоха. Он же, Эрик Толле, был здесь чужаком – случайным, незванным и неожиданным.

И неважно, что рассудок отказывался поверить в подобное. Можно, конечно, продолжать талдычить себе, что такого быть не может, потому что не может такого быть, и пытаться игнорировать окружающее древнерусское бытие, как нечто нереальное, только от этого оно никуда не денется. Что вокруг, то и есть реальность. Внутреннее сопротивление ещё присутствовало, но здравый смысл подсказывал, что правильнее было бы смириться с неизбежным. И ведь ещё, поди знай, что ждёт впереди...

Из плена тревожных размышлений его вырвал грубый окрик.

– Оглох, нашелец? – прикрикнул здоровяк, который, по его собственным словам, подобрал бесчувственное тело Эрика на каком-то лугу и доставил сюда. – Ответствуй. Аль не вишь, Козельский князь пред тобою?

– Князь не князь – у него на лбу не написано, – даже не вникая в смысл сказанного, рефлекторно огрызнулся Эрик.

Сработал тот самый, уже упомянутый, отнюдь не прибалтийский темперамент. Вероятно, разумнее было бы сдержаться, но слово не воробей. Князю непочтительный отзыв о его персоне не понравился. Он посуровел лицом и собрался было дать укорот наглецу, но снова вмешался Эриков давешний спаситель.

– Дозволь, княже, вразумить неuka за речи неразумные? – предложил он с ухмылкой.

– И то дело, – благосклонно кивнул князь.

Эрик, ошарашенный валом обрушившихся на него, не поддающихся разумному объяснению событий, даже толком понять не успел, что произошло, как оказался лежащим на полу рядом со сваленными в кучу красными щитами. Перед глазами плыли круги, а ощущение было такое, будто ему в грудь со всего маху саданули кувалдой. Что там кувалдой – наковальней! Князь, как, впрочем, и все остальные, едва не покотился со смеху, а здоровяк, довольный тем, как ловко сумел позабавить своего господина, добродушно ухмылялся в усы.

– Ай же, Возгарь, потешил, – всплеснув руками, восторженно молвил князь. – Одначе и кулачищи у тя.

– Мал-мала силенка есть, – согласился польщенный детина, скромно опустил очи долу.

– Ну, будет с ево. Глянь-ко, жив ён там аль нет? – князь кивком показал в угол, где Эрик с трудом приходил в себя.

– Да чё ему сделается, – все так же добродушно прогудел здоровяк. – Я ить ево легонько, тока самую малость приложил.

Этот обалдуй, разумеется, знать не знал, с кем связался. А кабы знал, может, и поостерегся бы. Эрик вырос на Мазутке*. У нескольких поколений москвичей эта бывшая рабочая окраина вполне заслуженно пользовалась дурной славой, как место, где не то что жить, а и просто случайно оказаться-то было небезопасно. В девяностые среди московских уголовных авторитетов числилось немало выходцев оттуда. Говорят, теперь там намного спокойнее стало, но Эрик застал ещё ту, хулиганско-бандитскую Мазутку, и детство его прошло в условиях отнюдь не тепличных.

С жестокими законами улицы ему довелось познакомиться довольно рано – с первых же дней обучения в школе, которая находилась всего-то в трехстах метрах от дома. Этого расстояния оказалось вполне достаточно, чтобы до рафинированного домашнего ребёнка докопался хулиганистый мальчишка из соседнего двора, который был года на два постарше, ну и само собой, покрупнее. Завязалась потасовка, однако силы были не равны, и тот парнишка накостылял Эрьке по первое число.

Домой бедолага вернулся в разорванной курточке, весь в грязи, с

*Мазутка – район на северо-востоке Москвы. Название пошло от когда-то существовавшего там мазутного завода, в память о котором остался Мазутный проезд, ныне переименованный в улицу Павла Корчагина. Этот район всегда небезосновательно считался криминально неблагополучным.

синяком под глазом и с расквашенным носом. Отец сразу все понял, и пока сын, хлюпя разбитым носом и размазывая по физиономии горючие слезы, рассказывал, что случилось, лишь молча кивал, после чего обратился к семилетнему ребенку, как ко взрослому:

– Не хнычь. Слезами горю не поможешь, – наставительно сказал он. – А на будущее запомни: или научись давать отпор... – и, усмехнувшись, добавил, – ...или тренируй ноги.

– Ноги-то зачем?

От удивления у маленького Эрика даже слёзы на глазах высохли.

– Чтобы, в случае чего, быстро смыться, – популярно объяснил отец. – Выбор за тобой.

Эрик подумал и очень серьезно, совсем не по-детски, заявил:

– Я бегать не люблю. Лучше я драться научусь.

И научился. Чего ему это стоило – тема отдельной баллады, но с тех пор он никому, никогда, ни в чём спуску не давал и к четырнадцати годам слыл среди сверстников пацаном резким, но правильным, которого лучше не задирать. С местной шпаной близко не сошёлся, однако пользовался у нее уважением. Впрочем, на Мазутке удивить кого-нибудь доблестью было трудно, таких героев там было пруд пруди. Потому-то, наверное, по достижении возраста наступления уголовной ответственности, большинство из них попадало за решетку. Пареньку с

непривычной русскому уху фамилией Толле повезло – должную бойцовскую закалку получил, а до тюрьмы докатиться не успел, потому как семья получила новую квартиру в другом районе. Вырванный из привычной среды, парень потосковал по дружкам-приятелям, да и взялся за ум – начал прилично учиться...

Конечно, с той поры немало воды утекло, но сейчас в нём пробудился тот неукротимый мазуткинский пацан. Стоит ли говорить, что первоначальное приятное впечатление, произведённое на него добрым молодцем, а-ля Микула Селянинович, резко улетучилось. Оставлять безнаказанной такую выходку Эрик не сабирался.

– Ну-ну... – пробормотал он, не без усилия поднимаясь на ноги. – Теперь моя очередь.

Едва ли его можно было назвать худосочным, но с этим парнем они явно находились в разных весовых категориях. Впрочем, Эрика с младых ногтей поднаторевшего в уличных сражениях, нередко невероятно жестоких, солидные габариты потенциального противника нисколько не смутили. Бивали мы хлопцев и покрупнее! – подзадорил он себя и, пошатываясь, сделал пару шагов вперёд.

– Ну, что вытаращился, козлина? – уже громко сказал Эрик, обращаясь к своему обидчику. – Давай дальше развлекаться!

– Чево? – переспросил ничего не понявший громила.

– Того, придурок, того, – съехидничал Эрик, намеренно стараясь вывести его из себя.

Однако парень заводиться не желал. Пришлось добавить перца.

– Сейчас я тебя, кретина тупоголового, – с презрительной ухмылкой процедил сквозь зубы Эрик, – на раз сделаю. Ты, главное, потом не обижайся. Ладушки?

Хотя, смысл сказанного до здоровяка явно не дошёл, оскорбительные интонации он всё же уловил. Этого было достаточно, чтобы Возгарь – так ведь, кажется, его звали? – насупив брови, угрожающе двинулся к наглецу. Как уже говорилось, выглядел он внушительно – на полголовы выше и уж точно раза в полтора тяжелее Эрика. Только вот с золотым правилом уличной драки парень, похоже, знаком не был: внешность обманчива, и потому, никогда не следует полагаться на первое впечатление. Но так уж устроен человек, что при очевидном превосходстве в силе, росте и весе, всякий невольно поддаётся соблазну уверовать в лёгкую победу, за что потом и расплачивается.

– Да я тя щас... – грозно рыкнул Возгарь, но договорить не успел.

Для начала Эрик неуловимым коротким движением снизу вверх засветил ему ребром ладони в основание носа. Обычно после такого удара любой «плывет»: он ослеплен, дезориентирован, беспомощен. Подленький, конечно, приемчик, но безотказный. Этот дуболом исключением из общего правила не стал – его сразу «повело». Здоровущий бугаина в миг превратился из грозного бойца в боксёрский мешок, который Эрик, с присвистом выдыхая воздух при каждом ударе, принялся молотить кулаками. Тут уж не до джентльменства – главное, результат. Он бил соперника, и без того уже находившегося в нокдауне, по голове, по корпусу, опять по голове, пока тот безуспешно пытался хоть как-то прикрыться руками.

Длилось это недолго – от силы секунд пятнадцать-двадцать. Пока Эрик, что называется, на совесть обрабатывал более рослого и мощного противника, князь, лишившийся на время дара речи, ошарашено взирал на избиение своего дружинника. В его голове никак не укладывалось, как такой, в общем-то, не великий богатырь ухитрился столь легко и непринуждённо расправиться с самим Возгарём.

– Уймись, заполошный! – запоздало прикрикнул он на Эрика.

И тот, как ни странно, подчинился. Должно быть, подействовал властный металл в голосе князя. К тому времени Возгарь едва держался на ногах, и если бы не стенка, к которой он привалился сразу же после того, как Эрик оставил его в покое, то вероятнее всего совершенно обессиленный здоровяк рухнул бы на пол.

– Охолопись! А то больно резвой! – уже спокойнее прибавил князь, вставая с лавки.

Он подошёл к Возгарю и с любопытством на того воззрися. Бедняга еле на ногах стоял, покачиваясь и ошалело озираясь вокруг невидящим взглядом.

– Эка ты ево, – в голосе князя чувствовалось уважение, сменившееся беспокойством. – Не покалечил?

Эрик тяжело дыша, стоял в стороне, резонно полагая, что едва ли такое сойдёт ему с рук. Однако, сделанного не воротишь. Уж помирать, так с музыкой.

– А чего ему сделается. Я ж его легонько, только самую малость, – почти дословно повторив недавние слова своего противника, дерзко ответил он.

К немалому его удилению князь, а за ним и все прочие, исключая понятное дело Возгаря, которому пока было ни до чего, разразились гомерическим хохотом. Эрик растерялся. Он ждал вспышки гнева, наказания, да чего угодно, но только не такого. Странные ребята! Молчишь – сердятся, а стоило начистить одному из них ряшку, враз повеселели.

Насмеявшись, князь вернулся на место.

– Коли по речи, так и впрямь нерусской. Да токмо, сдаётся мне, не похож ён на подсыла, – обратился он к человеку в черном. – Как мыслишь?

Тот с ответом не спешил. Князь настаивать не стал и, снова обернувшись к Эрику, благодушно полюбопытствовал:

– Как кличут-та тя?

– Эриком.

– Из варягов, што ль, будешь?

Эрику не раз доводилось слышать, о якобы принадлежности варягов к пруссам, как впрочем, и к финнам, и к балтийским славянам, и, уж само собой, к скандинавам, но глубоко в суть вопроса он никогда не вникал. К тому же еще со школы помнил, что Балтийское море, где издревле обитали его предки, на Руси называлось Варяжским, и потому сейчас решил, что не сильно погрешит против истины, если выдаст себя за варяга.

– Из них, – коротко ответил он.

Усмехнувшись, князь удовлетворенно кивнул:

– То и видать. Человеке, стал быть, ратный, – заключил он. – Сказывай, што приключилося с тобою?

– Не знаю... Не помню, – не кривя душой, сказал Эрик.

– К нам по што?

Эрик замешкался, не зная, что сказать. Подыскать правдоподобное, с точки зрения князя и его окружения, объяснение своему появлению возле города у него просто не было времени, а тянуть с ответом никак нельзя. Понятно, что княжеская благосклонность недолговечна. Смена гнева на милость и наоборот – лишь вопрос настроения. Можно не сомневаться, что этому царьку лишить жизни невесть как забредшего в его владения подозрительного человека – раз плюнуть. И тут на память пришли недавние мысли насчёт необходимости начать новую жизнь, посетившие его после суда. Пожелал перемен? Будьте любезны, получить! Всё как заказывал. Он усмехнулся и, пожав плечами, совершенно искренне признался:

– Хотел новую жизнь начать.

Трудно сказать, почему, но столь расплывчатое разъяснение князя волне удовлетворило. Видно, и в те времена шататься по белу свету в поисках лучшей доли считалось нормой.

– Ну, Избор, каков тебе сей молодец? – спросил он у человека в черном. – В дружину сгодится?

– Коли прикажешь, – уклончиво отозвался тот.

Ну и порядочки! – мысленно возроптал Эрик, наблюдая, как эти двое решают дальнейшую судьбу стоящего перед ними человека, даже не поинтересовавшись его мнением на сей счёт. Так и подмывало спросить: «Ребята, а ничего, что я здесь стою? Может, конечно, у вас тут так заведено, но всё-таки могли бы и полюбопытствовать для приличия, что я сам по этому

поводу думаю. А то, выходит, без меня меня женили!» Впрочем, ни сил, ни желания вступать в пререкания людьми, от которых здесь зависело если не всё, то многое, у него не было. Да и выбирать-то по большому счёту не из чего, урезонил себя Эрик. Остается положиться на волю случая, а дальше видно будет. К тому же, незнание чужого монастырского устава, философски напомнил он себе, ни в коей мере не предполагает возможность, будучи в гостях, продолжать жить в соответствии со своими устоявшимися правилами...

Князя ответ Избора не устроил. Он прищурился и покачал головой:

– Ан нет. Воевода ты. Коль што не то станется, с тебя спрос.

Так и есть, не без гордости за собственную проницательность, отметил про себя Эрик: настоящего-то генерала за версту видать.

Избор с ответом не спешил, ощупывая Эрика оценивающим взглядом.

– Ну што, гож в дружину? – настойчиво гнул свое князь.

– Варяги – вои добрые, – заговорил, наконец, воевода. – Ныне не то, а допрежь, бывало, до трети дружины – всё варяги. Сам ведаешь, княже, в ратных людях нужда великая. А сей нашелец, по всему – хват. Возьму.

– Добро, – кивнул князь и весело обратился к Возгарю, малость оклемавшемуся и понуро стоявшему в сторонке: – Ну, Аника-воин, опамятовался?

– Так ить, вишь как вышло-та... Расплохом ён меня взял, – открыл было рот богатырь, попытавшись реабилитироваться.

– Замолчь уж – не срамись, – махнул рукой князь и передразнил: – Расплохом. Скажи по чести, ловок варяг?

– Ловок, спору нет, – неохотно признал Возгарь, но тут же настырно по-бычьи мотнул головой и, совсем незлобливо глянув на Эрика, пообещал: – Вдругорядь я те спуска не дам.

– А ты не больно-та кичись, – молвил князь, пряча ухмылку в усы и бороду. – Прибереги буюсть-та. Авось на дело сгодится.

Он поднялся с лавки и, подойдя к Эрику, весьма чувствительно хлопнул того по плечу, что, надо полагать, означало высшую степень проявления благосклонности, потому как присутствующие одобрительно загудели.

– А и ладно, – резюмировал князь и, указав на новоиспечённого дружинника, велел побитому богатырю: – Ты, Возгарюшка, покуда сведи ево в мыльню, а то больно смердит от ево после поруба. Одежу ему подбери, да покличь Серьгу рану обиходить. А то ён, вона, искровенился весь.

Эрик провел рукой по правой щеке и обнаружил, что та вся в крови. Видно, пока махал кулаками, рана на затылке открылась. Этого ещё не хватало. У него вдруг закружилась голова, ноги начали подкашиваться, но упасть не дали чьи-то сильные руки. Это был Возгарь. Он бережно подхватил его поперек туловища и обеспокоенно спросил:

– Худо?

Потом, бормоча: «Ничё... Сдужишь...», словно заботливая нянька, вынес полубесчувственного Эрика из гридни. Вдогонку послышался голос Избора:

– На мой двор покуда ево. Да за лечцом кого ни то пошли.

Сюжеты, которые мы выбираем

Возгарь повеление князя исполнил в толчности: отволок своего недавнего противника в баньку, отмыл и передел во всё чистое. Пока то да сё, начало смеркаться. Городок хоть и не велик, но до Изборова дома добрались уже в потёмках. Слуга воеводы отвёл их в небольшую комнатёнку, где при свете лучины какой-то страхолюдного вида старик перевязал Эрику рану на голове льняной тряпицей. После чего его наконец оставили в покое и одиночестве, уложив на прикрытое рогожкой ложе из душистого сена, устроенное прямо там же на полу. Каза-

лось бы, такой перенасыщенный событиями – да ещё какими событиями! – денёк кого угодно способен ухайдакать, но Эрик, вопреки всему, долго ещё не мог сомкнуть глаз и всё думал, думал, думал.

Что ни говори, а прав был поэт насчёт открытий чудных. И сколько их мне ещё уготованно, поди угадай. В таком, примерно, ключе размышлял Эрик о превратностях судьбы, забросившей его чёрт знает куда... Перипетии сегодняшнего дня совершенно выбили его из колеи, и соображал он туговато, а потому только теперь припомнил, что вроде бы упустил из виду какую-то очень важную деталь. Ну конечно! Тугодум Возгарь, когда на мордобой напрашивался, сказал, дескать, перед тобой козельский князь. Козельск? А не тот ли это Козельск, который «злой город»? Если тот, дело швах! – совсем было скис невольный путешественник во времени, но резонно рассудив, что на свете немало городов с похожими названиями, решил сначала всё разузнать поточнее, а там уж видно будет. В любом случае, пока ничего из разряда «Добавь позитива!» на горизонте не видать, вздохнул Эрик. Такое вот невесёлое кино.

Кстати, о кино. Помнится, лет пятнадцать назад кто-то подсунул ему видеокассету – тогда ди-ви-ди ещё были не в ходу – и порекомендовал непременно посмотреть. Как назывался фильм, совершенно вылетело из головы, но как-то простенько, без затей. Да это и не важно. Качественная голливудская продукция, психологический триллер, но главное – сюжет.

Преуспевающему, но уставшему от однообразия бытия бизнесмену младший брат дарит на день рождения сертификат, позволяющий воспользоваться услугами некой фирмы развлечений, предлагающей поучаствовать в игре, которая якобы поможет вернуть яркие чувства и по-новому ощутить вкус и остроту жизни. Герой соглашается и в ходе игры, правила которой ему никто и не подумал объяснить, из хозяина жизни превращается в ничто, лишившись компании, денег, роскошного дома – всего. На его долю выпадает немало потрясений, и в итоге, загнанный в угол обстоятельствами, он стреляет в собственного брата, убивает его и в ужасе от содеянного пытается покончить с собой, делая шаг с крыши небоскреба. После чего, конечно же, наступает неизбежный хэппи-энд потому как лишь на последних минутах выясняется, что персонально для главного героя специально подготовленные люди организовали что-то вроде параллельной реальности, в которой все было доведено до абсурда.

Может, и я сейчас, помимо своей воли участвую такой игре? – вполне серьёзно предположил Эрик. Но почти сразу отнёс эту мысль, рассудив, что вряд ли кто-то стал бы ради того, чтобы пощекотать ему нервы затевать столь хлопотное и дорогостоящее действо.

Тогда на ум пришло вульгарное словечко «попаданец». Есть у писателей, подвизавшихся на ниве фантастики, такой затасканный по мнению высоколобых критиков приём, которым беззастенчиво пользуются начинающие литераторы. Впрочем, порой и мастера жанра тоже им не брезгают. Суть в том, что герой, как правило, неожиданно для себя непонятным образом переносится в прошлое... Возможные варианты: в будущее; в некий, бог его ведаёт какой, мир, не связанный с нашим; на другую планету... В общем, как не крути, а здорово смахивает на ситуацию, в которой оказался Эрик.

Авторы такого рода произведений какими-либо объяснениями – что да как, отчего да почему? – предпочитают вообще не утруждаться. Жил себе жил человек спокойненько, и нате-здрассте – попал! Спору нет, подобное чтиво и близко не дотягивает до «Критики чистого разума» Канта. Так оно на это и не претендует. Обычная книжная развлекуха, которой люди зачитываются в метро, в поезде, в самолёте. Чего уж греха таить, в своё время такого рода фантастическая чепуха и самому Эрику тоже очень даже нравилась. Но читать о чужих приключениях и самому попасть в подобную передрагу – отнюдь не одно и то же.

Нет уж, ребята, увольте! Я на такое не подписывался. В душе начало было вскипать праведное негодование, однако призвав на помощь неумолимую логику, Эрик сумел его утихомирить. Можно подумать, моё мнение кого-то интересует, жёстко напомнил он себе. Если даже всё именно так и обстоит, дело-то уже сделано... Тут дало-таки о себе знать накопившееся

нервное напряжение и внезапной волной накатившаяся усталость безо всякого перехода, как будто кто-то свет вырубил, резко погрузила его в избавляющий на время от всех проблем сон.

Разбудил его дразнящий запах. Пахло свежим ржаным хлебом и чем-то еще съестным. Эрик разлепил сонные глаза и увидел молоденькую, очень милую девушку. Дожил. С чего бы это мне девицы начали мерещиться? Он проморгался, но видение не исчезло. Девчонка как сидела на скамейке, так и сидит, глазища свои васильковые таращит. Вся из себя – кровь с молоком, коса русая до пояса, не толстушка, но и не худышка. Словом, то что надо. Жаль, подробности фигуры скрыты этим балахоном, с сожалением отметил он, неодобрительно глядя на её глухую льняную сорочку с длинным рукавом и клешёную юбку в пол – одежду, прямо скажем, для откровенной демонстрации женских достоинств не предназначенную. А ты чего ждал? Мини-юбку, декольте, и чтоб все прелести наружу? – скептически хмыкнул он, напомним себе, где находится. Размечтался. Нет, брат, тут тебе не найт кляб – тут Древняя Русь.

Он принял сидячее положение и обвёл взглядом помещение. Его импровизированное ложе было устроено в углу маленькой совершенно пустой, если не считать той самой лавки, на которой расположилась девушка, комнатёнки. Судя по яркому солнечному свету, проникавшему сюда через подобие узкого окошка прорубленного в стене примерно на высоте человеческого роста, утро наступило уже давно. Снаружи доносились типично деревенские звуки: там периодически гоготала, кудахтали и блеяла какая-то живность.

Эрик прислушался к себе. Несмотря на пережитые накануне потрясения, он отлично выпался и чувствовал себя неплохо. Рана на затылке не беспокоила. Видно, тот старик, что вчера перевязал ему голову, насовав под тряпицу какой-то травки, дело свое знал. Девчонка продолжала разглядывать Эрика с нескрываемым любопытством:

– Ну и что мы тут делаем? – улыбнувшись, спросил он.

– Поснедать те принесла, – бойко отозвалась девушка, кивнув куда-то за спину Эрика. – Тятя велел, я сполнила.

Обернувшись, он обнаружил на полу, у самого изголовья своей эрзац-постели, крынку, прикрытую краюхой хлеба. Рука непроизвольно потянулась к пище. Что в горшочке? Он заглянул внутрь. Что-то розоватое, похожее на ряженку.

– В глечике то варенец, – пояснила девушка. – Спробуй.

Эрику показалось, что ничего вкуснее этого варенца, который и впрямь оказался ряженкой, он в жизни не пил. А хлеб порадовал не сильно, духовитый и с виду лакомый, оказался он грубоватым и пресноватым. Но, как говорится, что есть, то и ешь.

– Ну спасибо, – наскоро перекусив, поблагодарил он и поинтересовался: – Как звать-то тебя, красавица?

Щеки девушки полыхнули румянцем, она сконфуженно потупила взор:

– Предслава.

– А тятя у нас кто?

– Так, воевода ж.

– Ты, стало быть, Предслава Изборовна, – оставив фривольный тон, разочарованно констатировал Эрик.

Девушка ему приглянулась и, как знать, что вышло бы из этого знакомства, но он никогда и ни за что не позволил бы себе даже невинного флирта с дочерью начальника, каковым со вчерашнего дня для него стал воевода. Чушь, конечно полнейшая. Предрассудок. Но он ничего не мог с собой поделать. Настроение испортилось.

– Ну а я Эрик, – подавив тяжёлый вздох, представился он.

Предслава уже оправилась от смущения, став снова беззаботной и улыбчивой.

– Бают, ты варяг. Так ли?

– Вроде того, – кисло подтвердил Эрик, укладываясь на лежанку и тем давая понять, что разговор окончен.

Не тут-то было. В планы девушки это явно не входило. В её понимании варяг был пришельцем из далёкого большого мира, раскинувшегося за лесами, горами, долами – считай, на другом конце света. И упускать неожиданно подвернувшийся случай, разузнать о том недоступном ей мире побольше, она определённо не собиралась. Вопросы посыпались, как из рога изобилия. Её интересовало всё. А верно ли, будто в окияне вода солоня? А сказывают, ежели всё на восход идти, страна есть, где люди на головах ходят, то правда ли? А край земли в которой стороне? И прочее в том же роде.

Решительный настрой юной особы начисто исключал возможность отмолчаться. Надо было что-то отвечать. Сначала Эрик делал это нехотя, из-под палки, лишь бы она поскорее от него отвязалась, но незаметно для себя втянулся, может потому, что давненько уже не встречал людей, обуреваемых такой, без преувеличения, всепоглощающей жадой познания. Это было похлеще киножурнала «Хочу всё знать»! Он недоумевал, откуда вообще могла возникнуть подобная заинтересованность у девицы, которая в жизни своей ничего кроме отнюдь не стольного града Козельска в глаза не видывала, да и то по большей части изнутри, потому что за стены её вряд ли кто далеко выпустил бы.

Не факт, что она умела писать и читать, но вопросы подбрасывала чумовые – не вдруг найдёшься, что сказать. Так что, Эрику приходилось реанимировать в памяти кое-какие подзабытые за ненадобностью энциклопедические сведения. Но, даже если ответ был очевиден, его еще требовалось изложить соразмерно с уровнем подготовленности не обременённой ни образованием, ни житейским опытом девчонки. Словом, всё это было увлекательно, но вовсе не просто.

Викторина продолжилась бы, вероятно, до вечера, но в какой-то момент у Эрика то ли из-за раны на затылке, то ли из-за чрезмерного умственного напряжения, разыгралась мигрень.

– Всё, девонька. Дай передохнуть, а то у меня уже башка раскалывается. Помилосердствуй, – взмолился он, укладываясь на сено, и с усталой улыбкой добавил: – Я ж всё-таки раненый.

– Ой! – спохватилась она, бросив взгляд в оконце. – Уж полудновать пора, а ты всё без роздыху. А тятя наказывал покою те дать.

Он и глазом моргнуть не успел, как Предслава выпорхнула из комнаты. Просвещая по мере сил любознательную девушку, Эрик тоже времени даром не терял и сам мимоходом выяснил у нее кое-что такое, о чём раньше понятия не имел. Узнал, что нашельцем называют пришлого человека, гридня – вовсе не зал для торжественных сборищ, как он поначалу подумал, а казарма для дружинников, гридей то есть, что тиун – княжеский управляющий. Негусто, ну да не беда, утешил он себя. Лиха беда начало.

Вечером его навестил седой лецц Сergyа – так к нему вчера обращался Возгарь. Как уже говорилось, внешне он больше смахивал на лесного разбойника или сказочного колдуна, чем на доброго доктора. Может, этому способствовал пронзительный, словно сверлящий тебя насквозь, взгляд из-под косматых бровей, а может, скрюченная, видимо, когда-то давно покалеченная правая рука целителя, ограниченная дееспособность которой его самого, похоже, несколько не смущала. Несмотря на изуродованную правую, он вполне справлялся со своими профессиональными обязанностями, довольно ловко пользуясь левой.

Эскулап сменил Эрику повязку, ворча, что с такой фигней валяться в дому воеводы неприлично, и пора бы тебе, молодец, перебираться в гридню. Дескать, сегодня, так и быть, ночуй здесь, а с утра топай к товарищам по оружию. Лекарь, понятно, использовал несколько иные выражения, смысл некоторых из них Эрику приходилось додумывать, но как ты их ни интерпретируй, а диагноз старик поставил: практически здоров, к прохождению службы годен, и давай-ка ты завтра же отсюда вон.

Серьга ушёл, а Эрик призадумался о своих перспективах. Но тут же соскользнул с размышлений о будущем в пользу прошлого, вспомнив, как под конец учёбы в школе, когда встал вопрос о выборе профессии, невзирая на настойчивые намёки отца – потомственного военного, в то время майора инженерно-авиационной службы, – он категорически отказался связать свою жизнь с армией. Объяснил просто: «Извини, папа, это не моё. Я – человек исключительно мирный. Да и вообще, какие бы то ни было подвиги не по моей части». После чего поступил в Менделеевку*. Вспомнил и невольно усмехнулся. Это называется: как ни крутись, а... ну, в общем, пятая точка, по-любому, сзади. Как ни отбрыкивался, а пошёл-таки по родительским стопам – впрягаюсь в армейскую лямку. Как там у Коллинза поется? Ю ар ин зэ арми нау?

Позже, уже в студенческие годы, Эрику довелось по принудилровке, разумеется, присутствовать на выездной лекции общества «Знание». Взгромоздившийся на кафедру мозгодуй – лысоватый, плотного телосложения господин с печатью интеллекта на лице – мусолил вопрос, касающийся естественного отбора и

*Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева.

приспособляемости живых организмов, как движущей силы эволюции. Основной мыслью, которую он стремился донести до публики, Эрик во всяком случае так её воспринял, была та, что человек – точно такой же приспособленец, как любое животное или растение. Разумеется, большинству слушателей, чуть ли не насильно согнанных в зал, было по барабану, в чём конкретно проявляется приспособленческая сущность хомо сапиенс, но Эрик неожиданно для себя заинтересовался. Казалось бы, и тема заезжена дальше некуда, и лектор красноречием не блещет, а вот зацепило.

Речь шла об очевидных, в общем-то, вещах. Мол, так или иначе, в той или иной форме, но процесс приспособления в природе идет непрерывно и будет продолжаться до тех пор, пока существует жизнь на Земле. Мол, закон выживания суров и тот, кто не может приноровиться к далеко не всегда благоприятным условиям среды обитания, обречён на вымирание, что и произошло в свое время с динозаврами. Мол, действие этого закона распространяется на все без исключения живые организмы и человек разумный, который хоть и имеет перед прочей живностью, населяющей нашу планету, некоторые преимущества, в этом смысле, ничем от прочих отличается. Последний постулат всколыхнул в душе Эрика бурю протеста.

Сам ты динозавр! – с присущим молодости максимализмом рассудил тогда он, одарив вещавшего со сцены говоруна уничижительным взглядом. Ты, дядя, отстал от жизни. Посмотри вокруг. Да при нынешнем уровне развития цивилизации, у людей просто отпала нужда адаптироваться к окружающей среде, потому как они давно уже заточили её под себя. Другой вопрос: насколько хорошо это получилось, но то, что человечество переделало мир на свой лад, а не наоборот, – это факт. То ли ещё будет.

Попади он на ту же лекцию не пятнадцать лет назад, а сейчас, его реакция на разглагольствования докладчика вряд ли была бы столь однозначной. Кто же знал, что ему, Эрику Толле, придётся, не сидючи в актовом зале, позёывая, выслушивать рассуждения заезжего вития, а на практике решать задачу, как избежать печальной участи вымерших рептилий? Кто мог предположить, что в один прекрасный день ему доведётся примерить этот пиджачок на себя и в полной мере на собственной шкуре испытать, каково выживать в чуждой среде, да ещё и в каком-то ином времени?

На следующий день рано поутру в комнату, где он отлёживался, заглянул Возгарь ещё с порога, добродушно ухмыльнувшись, вместо приветствия поинтересовался:

– Обмогся, варяжина?

Эрик догадался, что гость справился о здоровье.

– Да жив-здоров, как видишь, – отозвался он, расплывшись в ответной благодарной улыбке.

Эрик, хоть и смутно, но помнил, как здоровяк нёс его, полубесчувственного, из гридни в баню и возился с ним там, приговаривая: «Эт ничё... Щас Серьга тя враз поправит».

– Ты это... – виновато промямлил Эрик, терзаемый угрызениями совести. – Ты уж не серчай на меня...

– Пустое, – отмахнулся Возгарь, всем своим видом давая понять, что зла за вчерашнее не держит. На его физиономии явственно читалось: наплюй и забудь. – Всяко бывает, – добавил он, как бы принимая извинения и тем закрывая тему. Потом бодро предложил: – Ну, пойдём, што ль?

– Куда? – не понял Эрик.

– Куды? – беззлобно передразнил его богатырь, – Службу править – куды ж ищо. Тя к Переяру в сотню определили.

– А ты сам-то, часом, не сотник? – поинтересовался Эрик, потому что окажись оно так, то совсем уж некрасиво получается: публично накомандовал командиру – подрывом престижа пахнет. Хотя, кто их разберёт, что у них тут некрасиво, они ребята с чудинкой.

– Эк ты хватил. Покамест десятник, – доложил Возгарь и, скромно опустив очи долу, пояснил: – Одначе воевода сулил. Стал быть, вскорости сотником стану всенепременно.

– Это хорошо, – выдохнул Эрик облегченно, имея в виду не слишком значительный начальственный статус здоровяка.

Поскольку понять слова варяга можно было и так, и этак, Возгарь, конечно же, воспринял их не иначе как одобрение своего грядущего карьерного роста, и расплылся в довольной улыбке.

– Ну, собирайся да пойдём, – возвращаясь к тому, зачем пришел, деловито напомнил он.

– Нищему собраться – подпоясаться, – буркнул Эрик, поднимаясь с лавки, и промолвил, подражая Возгарю: – Ну, пойдём, что ли.

Курс молодого бойца

Обустройство на новом месте прошло легко и просто. Казарма – она везде казарма. Каптенармус, или как там как его величают, но функционально то же самое, выдал всё необходимое по принципу «солдату лишнего имущества не надо». Он же указал на широкую лавку, которая на ночь должна была стать Эрику пристанищем, и просветил относительно правил поведения, распорядка дня и прочего.

Эрик поступил в распоряжение десятника Любима, по всему виду, уже опытного вояки, лет двадцати пяти от роду, и начались суровые армейские будни. Выматывался и уставал он – это да. А в остальном – то же самое, что сборы по окончании военной кафедры университета. Как и в российской армии, здесь ему для начала предстояло пройти нечто вроде курса молодого бойца – на военном языке, КМБ. Любиму в этом деле отводилась роль наставника и экзаменатора. Цели и задачи понятны: присмотреться к новичку, выяснить, на что способен, погонять до седьмого пота и в итоге привести к общему знаменателю.

По-своему это было даже прикольно, особенно когда вместо камуфляжа на тебя натягивают самую настоящую кольчугу, вместо кепи на голову – стальной шлем, ну и в довесок еще кое-какое железо по мелочи: наручи, поножи, налокотники. Для справки: вкуче тянут такие средневековые причиндалы никак не меньше, чем на пуд. Но это еще не всё: к вышеперечисленному прилагался отнюдь не невесомый круглый щит, что-то около метра в поперечнике, и длинный, примерно двухкилограммовый меч, который иногда заменяется копьем, тоже довольно увесистым. Вот тут-то и наступал полный... аут.

Всё это приходилось таскать на себе от зари до зари, с короткими перерывами на еду и отдых, избавляясь от амуниции лишь перед отбоем. И ладно бы ещё просто таскать. Со всем этим Эрик вынужден был бегать, прыгать и выполнять разнообразные колюще-рубящие движения вверенными ему допотопными орудиями убийства, в соответствии с указаниями Любима, своего временного наставника. На уровне эмоций это воспринималось как чистейшее издевательство, хотя Эрик вполне осознавал, что присутствовало в столь жёстком тренинге и рациональное зерно. По идее, постепенно принаравливаясь к дополнительному весу, в какой-то момент организм должен перестать его ощущать, что и произошло к концу первой недели.

По здешним понятиям тридцатитрёхлетний мужчина считался уже человеком «в возрасте», а значит, был староват для княжеской дружины, состоящей преимущественно из двадцатилетних парней, что весьма разумно: энергии у молодых ребят через край, как ни нагружай – все нипочём. Возрастной ценз в любой армии – норма. Трудно сказать, что было тому причиной, хорошая наследственность, здоровый образ жизни или ещё что-то, но поскольку выглядел Эрик значительно моложе своих лет, а надобности в заполнении анкеты и предоставлении документов, удостоверяющих личность не возникло, то он по всем параметрам вписывался в молодёжный коллектив. За что и расплачивался по полной, потому как эксплуатировали его наравне с молодыми, а это, знаете ли, тяжело.

По счастью, с «физикой» у новоявленного дружинника был полный порядок – в юности он уделял внимание не только мордобою, но и четыре года отзанимался легкоатлетическим десятиборьем. Неважно, что выдающихся достижений за ним не числилось, и выше первого разряда он так и не поднялся, зато спортивную подготовку получил отменную. И если раньше она, как ненужная вещь, пылилась где-то в загашнике, то теперь стала неплохим подспорьем.

К тому же, в той, теперь уже прошлой, жизни, даже расставшись со спортом, Эрик старался поддерживать форму. Регулярно совершал утренние пробежки, благо Битцевский парк под боком, а когда в загородный дом переехал, так там вообще никаких проблем: выскочил за ворота, и беги куда хочешь. По зиме ежесубботно на лыжах двадцаточку наматывал. В спортзал заглядывал не реже трёх раз в неделю. Плюс – прыжки с парашютом. Окажись сейчас на его месте кто-нибудь менее привычный к разного рода нагрузкам, ещё неизвестно, чем бы для него такая физкультура закончилась, а для экс-десятиборца – это семечки. Впрочем, и он к концу дня мечтал только об одном: добраться до своей лежанки и забыться сном. Потом наступало утро, и всё начиналось снова. И так день за днём.

Под началом Любима находилось с десятков таких же, как Эрик, бойцов, которых десятник для их же блага тиранил нещадно. Причём, совершенно очевидно было, что никаких сверхзадач, вроде создания из самых обычных парней суперменов, он перед собой не ставил. Как ни странно, Эрику, который по большому счёту ни черта не смыслил военном деле, такой подход показался очень даже здравым. В боевой подготовке молодых дружинников преобладал утилитаризм. По-настоящему виртуозным владением оружием отличались единицы, да этого и не требовалось. Разумеется, если есть время и желание, практикуйся на здоровье, набивай руку, повышай квалификацию, достигай высот мастерства – никто препятствовать не станет. Но всё же основной задачей, насколько её понял Эрик, было, натаскать начинающих воинов на слаженность действий в строю. Ведь, когда сходятся стенка на стенку, не до фехтовального выпендрёжа: развернуться толком негде и клинком приходится орудовать, как шилом, норовя втиснуть лезвие в зазор промеж вражеских щитов. К этому настырный Любим их и приучал, опираясь на свой личный опыт.

Предусматривалось, разумеется, что по мере естественной убыли участников схватки, строй проредится, и появится возможность вволю намахаться мечом, но и в этом случае бойцам опять же было не до изысков. Тут надо вдарить посильнее, а куда – не важно, лишь бы противника с ног свалить. А потом с лежачим-то разобраться легче. В общем, раззудись плечо,

размахнись рука. В результате такой подготовки Эрик навыков д'Артаньяна, понятное дело, не приобрел, но за неполный месяц научился управляться с мечом довольно сносно.

С рогатыней – так называлось двух с половиной метровое тяжёлое боевое копьё – он освоился и того быстрее. Всё просто: наступаешь – держи в руке покрепче и ломись вперёд, как танк; сдерживаешь наседающего противника – упри конец древка в землю, прижми для верности ногой и стой, с места не сходи. Или вот, скажем, сулица. Это уже короткое копьё, наподобие дротика. В боевых условиях каждый дружинник имел при себе таких штук по восемь. Обычно, прежде чем сойтись врукопашную, их метали во врага с расстояния метров в десять-двадцать, стараясь нанести неприятелю максимальный урон. И главное тут не меткость, а сила броска. Невелика сложность попасть в толпу – кого-нибудь да заденешь. Неплохо, если копьё хотя бы угодит в щит и застрянет там намертво, сделав его не средством защиты, а обузой, которую невозможно использовать по назначению. Ещё лучше, если сулица пробьёт и щит, и того, кто им прикрывается. С этим видом оружия у Эрика был полный ажур. Метание для десятиборца – дело привычное. На зависть своим нынешним соратникам, он, играючи, насквозь прошивал щит с тридцати шагов, а однажды на спор зашвырнул сулицу на... Никто не мерил, на сколько именно, но значительно дальше всех прочих.

Единственное, в чём Эрик оказался не на высоте, – это стрельба из лука. Как с самого начала она у него не задалась, так дальше и пошло, ни шатко, ни валко. Натянуть тетиву и выстрелить – не вопрос, а вот с попаданием в цель у него обстояло, мягко говоря, не очень. И ладно бы до высокой точности не дотягивал, так ведь даже средней похвастаться не мог. Самолюбие разыграло – как так, чтоб у меня, да не получилось?! Тренировался до кровавых мозолей на пальцах. Однако, если и стало лучше, то не на много. Чтоб в приличные стрелки выбиться, наверное, и пятилетки не хватит, с тоской взирая на малоутешительные результаты своих усилий, думал он. Это тебе не коли-руби, где пару недель поупражнялся, и всё пучком, ну или как минимум, на приличном уровне.

Реакция на его невеликие стрелковые достижения со стороны сослуживцев была на удивление сдержанной. Кого другого давно зашпыняли бы – такое здесь было в порядке вещей. А тут деликатное молчание: ни тебе скабрёзных шуточек, ни традиционно плоских остроумных всякой мужской – и уж тем более армейской – компании. Возможно, подобная лояльность объяснялась тем, что наёмники с Севера, которые в былые времена валом валяли на службу к русским князьям, повсеместно зарекомендовали себя хреновыми лучниками, и все к этому привыкли, отдавая должное иным их достоинствам. Как-то в разговоре с молодыми гридями – Эрик случайно подслушал, проходя мимо, – Любим однажды высказался относительно варягов в том смысле, что стрелки они никудышные, а и не беда – не в том их сила. Зато, вои стойкие.

Вполне возможно, что воздержанность от подначек в адрес Эрика объяснялась и намного проще. Варяг уже прослыл неистовым мордобойцем, которому сам чёрт не брат, что он уже доказал, наcostыляв не кому-нибудь, а самому Возгарю – детинушке силою отнюдь не обделённому. Тут поневоле призадуматься, стоит ли напрашиваться на позорище? Эрику хотелось надеяться, что первое объяснение ближе к истине, но интуиция подсказывала, что второе правдоподобнее.

К слову, подразумевалось, как нечто само собой разумеющееся, что дружинник той эпохи – не просто крепкий парень, недурно владеющий разными видами оружия, но ещё и хороший наездник. Слава богу, у Эрика хорошие отношения с лошадьми были налажены давно. Ещё когда он был подростком, мама, Эмма Генриховна, устроилась на работу в конно-спортивный комплекс «Битца». Произошло это не от большой любви к лошадям или животным вообще – она даже кошек и собак терпеть не могла. Причина крылась в банальном житейском раскладе. После переезда с Павла Корчагина на Каховку, кататься ежедневно через весь город, тратя не меньше трёх часов на дорогу, от дома до института «Гипростоймость», которому она посвя-

тила двенадцать лет жизни, ей стало просто невмоготу. А поскольку в «Битце», что всего в пятнадцати минутах езды от новой квартиры, оказалась вакантная должность бухгалтера, то матушка, будучи по образованию экономистом, её и заняла.

Однажды любящая мать имела неосторожность пригласить сына, которому шёл тогда шестнадцатый годок, на представление конного театра «Каскадер», проводимое в спортком-плексе. Лихие осетинские джигиты знаменитого в ту пору Мухтарбека Кантемирова вытворяли на своих скакунах такое, что у зрителей дух захватывало от восторга. Эрик загорелся идеей, непременно научиться управляться с лошадью хотя бы на десятую часть так же ловко, как эти наездники, и вскоре начал обучаться верховой езде в группе начинающих, под при-смотром опытного тренера. И так его это увлекло, что некоторое время ни о чём другом он даже не думал. В общей сложности без малого два года, то есть до окончания средней школы, парнишка ездил заниматься в «Битцу» по пять раз в неделю. Потом он не то чтобы охладел к лошадям, а просто не до них стало – поступил в университет, да и круг общения поменялся: компашки, тусовки, девчонки. Однако навыков не растерял.

Но каково же было его удивление, когда выяснилось, что, будучи формально кавалери-стами, княжеские дружинники в конном строю сражаться не любили, предпочитая драться пешими. Более того, всякие там штучки, вроде поединка Пересвета с Челубеем... Наверняка, многие видели эту картину Авилова, выставленную на всеобщее обозрение в Русском музее. Там два всадника сошлись тэт-а-тэт... Так вот, на Руси такого рода единоборств почему-то не жаловали, и случались они исключительно редко. Лошади же служили, по большей части, для преодоления бескрайних российских просторов, уже тогда славившихся бездорожьем.

Так или иначе, но тест на профпригодность Эрик, пусть с незначительными вышеозна-ченными огрехами, прошёл успешно. Как уже говорилось, не последнюю роль в этом сыграли навыки, заложенные на заре туманной юности, ну и, само собой, бойцовский характер – порой на нём одном только и выезжал. Получалось не всё и не сразу, но по прошествии месяца он, выражаясь бюрократическим языком, вполне соответствовал стандарту квалифтребований, предъявляемых к среднестатистическому члену княжеской дружины. А куда денешься?! Прав был тот чёртов лектор из общества «Знание» – трижды прав! Какое там переустройство мира под себя?! Либо приноравливайся к обстоятельствам, либо они тебя катком переедут.

То, что началось потом, полностью вписывалось в ёмкое понятие «рутина»: дневное и ночное бдение на стенах или у ворот, сопровождение князя, коли тому вздумается выехать из города, скажем, на охоту, и прочее в том же духе. Особо не перетрудишься, но уж больно скучно – изо дня в день одно и то же. А, с другой стороны, работёнка непыльная, тупей на здо-ровье, язвительно утешал себя Эрик. Однако самоирония не помогала. Кому другому, может, и по сердцу, день-деньской торчать на башне, озирая окрестности, или глазеть на проходящих мимо людей, спешащих по делам в город или, наоборот, из города. Натурам же активным, к каковым вне всякого сомнения принадлежал Эрик, подобная трудовая деятельность представ-лялась занятием малоувлекательным.

Само собой, важность и значимость караульной службы вряд ли кто взялся бы оспари-вать: времена тревожные, проморгал, не заметил и пиши пропало. От бдительности стражи на стенах зависело существование целого города, а то и бери выше – всего княжества. Такова была суровая правда жизни. Но монотонность и нудность самого процесса Эрику претила. По счастью, ему было чем занять себя помимо караульно-эскортного бытия – не службой единой, как говорится... Приходилось, ведь, ещё и обживаться в новой реальности...

А вот это-то, как ни странно, для него оказалось не такой уж непосильной задачей. Больше того, постепенно, Эрику становилось здесь всё – затруднительно даже подобрать наи-более соответствующее определение – комфортнее, что ли. Не в плане быта, с этим проблем хватало, а эмоционально: ни тебе неприятностей по бизнесу, ни бесконечных московских про-бок, ни СМИ, ежеминутно вываливающих на голову обывателю истеричные сообщения о при-

родных и политических катаклизмах, катастрофах и прочих неприятностях, произошедших в разных уголках планеты... В общем, источники избыточного стресса попросту отсутствовали.

Что же касается упомянутых бытовых удобств, то, разумеется, в окружавшей его сейчас действительности не было ничего даже близко похожего на привычные с детства водоснабжение, отопление и прочие коммунальные блага. Но вот ведь удивительное дело – чистоплотности уделялось немалое внимание. Мыльни, бани то есть, имелись чуть ли не в каждом дворе да и какие-никакие допотопные средства личной гигиены у пращуров водились. До мыла ещё не додумались. Вместо него активно использовали щёлок – то ли отвар берёзовой золы, то ли настой кипятка на этой золе. Этаким универсальный предшественник всех моющих средств и, надо признать, довольно эффективный. Им мылись, им же и бельё стирали. Зубная паста, по понятным причинам, тоже была не в ходу, однако зубы прародители нынешних россиян – и это стало для Эрика полнейшей неожиданностью – чистили регулярно. Чем? Да опять же берёзовым... правда, на сей раз углём. Не «лакают», конечно, но всё-таки...

Имелись и какая-никакая медслужба в лице уже упоминавшегося лечца Серьги и... Алексихи. Да-да, той самой старушенции, что толковала Эрику про связь между каким-то Брусничником и погодой в предстоящую зиму, и которую Данила почему-то назвал ведьмой. Якшалась она или нет с нечистой силой – вопрос открытый. Вполне вероятно, что Эриков сопровождающий относился к ней чересчур предвзято, а возможно он и впрямь имел на то веские основания – кто знает. Как бы то ни было, но во всём, что касалось женских болезней Алексиха разбиралась – не единожды за свою долгую жизнь оказывала она посильную помощь нуждающимся – и повитухой была наипервейшей. Смело можно утверждать, что за последние полста лет почитай все козельчане народились на свет божий с её помощью. Кстати, опять же по слухам, прогнозы погоды, которые она выдавала, имели обыкновение сбываться... Такие вот дела.

Часто говорят: всё познаётся в сравнении. Так оно и есть. Довольно скоро Эрику, открылась одна незамысловатая истина: вполне можно жить и без достижений научно-технического прогресса, то есть всего того, на что молится общество безудержного потребления. Что проку сетовать на отлучение от привычных с детства благ цивилизации, если, оказавшись зимней ночью за стенами города, ты имеешь все шансы стать основным блюдом на обед у стаи голодных волков? Может такое и трудно себе представить, но заплутавшего в лесу путника запросто могли сожрать дикие звери.

Впрочем, нет худа без добра. Благодаря отсутствию интернета, ежевечерней телевизионной жвачки по вечерам и всего того, что раньше заполняло его досуг, Эрик теперь много размышлял. Смех и грех, но только здесь он с порядочным запозданием начал проходить своеобразный ликбез, разбираясь, что же собственно представляла из себя Древняя Русь? Эрик смотрел, слушал, вникал и сопоставлял, медленно но верно приходя к мысли, что учебник истории – штука полезная, но это, увы, не более чем субъективный взгляд на минувшее, мало того, что с наружи, так ещё и чужими глазами, и ну очень издалека. Наблюдать самому изнутри было куда увлекательнее.

Бесспорно правы те, кто твердит, что невозможно объять необъятное. Рассматривая лишь часть общей картины, рискуешь получить о ней искаженное представление. Да, небольшой Козельск – отнюдь ещё не вся Русь. Однако, экстраполяцию, как метод научного исследования никто пока не отменял, и так или иначе, в голове Эрика стали постепенно вырисовываться довольно чёткие контуры древнерусского образа жизни.

Руси как Руси, то есть чего-то единого и монолитного, ещё не было и в помине, да и быть не могло. На обширном, покрытом непроходимыми лесами, малонаселённом пространстве существовало с десятков относительно крупных самостоятельных княжеств, не очень-то дружественных друг другу. Родственные узы, связывавшие практически всех князей, казалось бы, должны были способствовать сближению, таки нет. Амбиции, обиды, взаимные претензии гораздо чаще перерастали в кровавые междоусобицы, чем какие-то внешние угрозы застав-

ляли владык местного значения смирить гордыню и сплотиться против общего врага. В этой связи, Эрику на память не приходило ничего кроме сформулированного Кипплингом закона джунглей: каждый сам за себя.

Крупные княжества, если присмотреться, тоже не были образцами монолитности сплоченности. Рюриковичей расплодилось ого-го сколько, и каждому полагался удел. Процесс дробления земель шел непрерывно: буквально, что ни город, то князь. Что же касается взаимных обязательств между князьями, то они выполнялись весьма относительно. К такому печальному выводу пришел Эрик, анализируя увиденное и услышанное. Разумеется, объективность его суждений была, мягко говоря, условна и касалась лишь того, что происходило в Черниговском княжестве, уделом которого являлось княжество Козельское, но едва ли в других местах дело обстояло иначе.

Эта Русь представлялась ему сваленными в кучу деталями конструктора, из которых при умелом обращении, вероятно, можно было бы собрать нечто мощное и действительно великое. Да вот беда, на данном историческом этапе ни экономические, ни политические предпосылки для этого еще не созрели, пользуясь терминологией классиков марксизма-ленинизма, философски резюмировал Эрик. Всему свое время. И время это, похоже, наступит еще очень нескоро.

Какие уж тут центростремительные процессы, когда территория огромна и, по большей части, не освоена. Города редки: стоят по берегам рек, по которым только и можно добраться от одного до другого: летом – по воде, зимой – по льду. Сухопутных путей раз-два и обчелся – считай, совсем нет. Не повезло – не дошли сюда неугомонные римляне с их аппиевыми дорогами, а то, глядишь, и на здешние края обрушилось бы экономическое процветание. Хотя едва ли – больно уж климат неподходящий...

Что касается княжеской дружины, тут все было гораздо понятнее и созвучнее нашему времени. Любой глава государства – без разницы, древнерусский ли он князь, турецкий ли султан или президент самой что ни на есть демократической державы – обязан иметь под рукой мобильную, хорошо подготовленную регулярную армию. Вот гриди – дружинники – и были той самой армией, точнее, личной гвардией князя. Куда пошлешь, туда и пойдут. Дань собрать? Без вопросов. На соседей слегка наехать, ну так, для поддержания авторитета? Никаких проблем. Серьёзная войнушка? Опять-таки пойдут как миленькие.

Риск, неразрывно связанный с военным делом, достойно вознаграждался, и желающих сделать военную карьеру было хоть отбавляй. А для молодых парней из бедных семей служба могла стать одним из немногих, если не сказать, единственным способом вырваться из беспроектной серой крестьянской жизни. Этакий средневековый социальный лифт. По тем временам, ежели выбился в гриди – считай, жизнь удалась. Всё-таки особая категория, привилегированная, можно сказать. Не то чтобы этим ребятам позволялось безнаказанно вытворять всё, что им заблагорассудится – у Избора не больно-то забалуешь, и волей-неволей дисциплину приходилось блюсти. Но явные преимущества были налицо: положение в обществе на несколько ступеней выше, чем они занимали до того, полное обеспечение, доля в военной добыче, если таковая будет, ну и ещё кое-какие льготы.

Однако, чтобы попасть в число избранных, одного желания было недостаточно. Каждому соискателю предстояло пройти через сито жёсткого отбора, и претенденты усердствовали в обучении, не щадя сил – из кожи вон лезли, что б своего добиться. Достаточно вспомнить, с каким рвением кандидаты в гриди выполняли указания Любима, который гонял их нещадно, до седьмого пота. Уж это-то Эрик в полной мере на себе испытал. Усердия парням было не занимать, наставника своего они слушались беспрекословно и заставляли кого-либо из них что-либо делать окриком у него просто не было необходимости. На память не приходило ни одного случая, чтобы Любиму приходилось повторять что-то дважды.

Сложности хроноидентификации

О том, что занесла его нелёгкая в Козельск, Эрика поставили в известность практически сразу по прибытии, но предстояло ещё разобраться, а тот ли это самый «злой город»? Возможны, ведь, варианты. Ещё свежи были воспоминания о прошлогоднем вояже по Золотому кольцу, когда сопровождавшая группу туристов тётушка-гид рассказывала, что в старину на Руси существовали в разных княжествах города, не имевшие между собой ничего общего, кроме названия: Владимир-на-Клязьме и Владимир-Волынский, Новгород-Северский и Новгород, что на Волхове. Вроде бы похожая история была и с Переславлем, или Переяславлем. Так почему бы не быть второму Козельску?

Прекрасно сознавая, что топонимист из него, как из доярки балерина, он всё же предпринял некоторые действия, которые с большой натяжкой и весьма условно можно было бы обозвать исследованием. Единственным доступным ему методом научного изыскания был опрос местного населения. Из многочисленных разговоров на эту тему с самыми разными людьми он выяснил, что о каком-либо другом городе с таким же или схожим названием никто не слышал. В первом приближении выходило, что этот Козельск, если историки ничего не напутали, и был тем самым, печально знаменитым, который, согласно древнерусским летописям, так досадил Батыю своим героическим сопротивлением, что тот буквально стёр его с лица земли.

Впрочем, город пока целёхонек, а занчит оставалась надежда, что время, в котором очутился Эрик, отстоит достаточно далеко от Батыева нашествия. Но и тут его ждало жестокое разочарование. Правда, выяснился сей безрадостный факт месяца этак через два. А до той поры Эрик то к одному, то к другому исподволь подступал с расспросами о событиях, происходивших в княжестве и окрест, надеясь таким путем прийти хоть к какой-то определенности. Увы. Нет, от разговора никто не уходил – случайные собеседники охотно рассказывали о приключившихся на их памяти катаклизмах: пожарах, морах, княжеских усобицах и прочем. Но самое большее, чего удалось добиться, – обрывочная информация типа: «О прошлом годе Клютома разлилась, так ить страсть, што творилось...», «Наскочили галичане. Савинки спалили чуть не дотла. Када? Да годов пять тому, кажись...» или «Давно уж, ищо при Мстиславе Святославиче, случился недород, каких дотоле не видывали. Сам-то я мальцом был, а матушка сказывала, едва не траву жрали...» Будь на месте Эрика специалист по истории Древней Руси, он бы и из таких незначительных деталей, возможно, и сделал бы какие-то выводы. Эрику же всё это ни о чем говорило, и он продолжал пребывать в неведении – даже с веком и то не мог толком определиться, не говоря уже о конкретной дате.

Не всё население города столь небрежно относилось к летоисчислению. Кое-кто, конечно же, был в курсе, к примеру, князь Иван Козельский и архиерей владыка Евсеевий. Почти наверняка к числу осведомлённых лиц принадлежал и воевода, но обращаться к кому-нибудь из них напрямую Эрик не решался, опасаясь спровоцировать всплеск подозрительности – с чего бы пришлому варягу такими очевидными вещами интересоваться? Чай, не с неба свалился, сам должен знать. И, как оказалось, интуитивно воздержавшись от проявления излишней любознательности, поступил совершенно правильно, потому что, даже получи он от кого-то из представителей власти ответ на свой вопрос, это только ещё больше всё запутало бы.

Текущая дата перестала быть для него загадкой совершенно случайно и без всяких усилий с его стороны. Только вот ясности от этого не прибавилось. Зато Эрик смог убедиться лишней раз, что знания – сила, и знаний в области истории ему катастрофически не хватает. Както за полдень, после трапезы, он задержался в опустевшей гридне, где никого, кроме Избора, больше не оставалось. Вошёл молодой дружинник и, приблизившись к воеводе, протянул свиток, пояснив кратко:

– От князя.

Судя по сломанной печати, сам князь с документом уже ознакомился и теперь прислал его воеводе, чтобы тот тоже прочёл послание. Избор взял пергамент и подошел к слюдяному оконцу. Развернув свиток и, отнеся его подальше от глаз, сощурился, силясь прочесть. Вот ведь, усмехнулся Эрик, сколько себя помню, только и слышу, что все проблемы со зрением от телевизора да от компьютера. Фигушки, господа офтальмологи. Здесь ни того, ни другого, а пресбиопия, голубушка, тоже процветает.

Помучившись какое-то время, воевода в раздражении бросил чтение.

– Не разберу впотымах – очи будто запорошило. Эх, годы, годы... – посетовал он и, обернувшись к Эрику, спросил: – Грамоте разумеешь ли, варяг?

Тот неопределённо пожал плечами. Воевода, сочтя это утвердительным ответом, протянул ему свиток и ткнул пальцем чуть ниже середины грамоты.

– Отсель дочти.

Не так-то это оказалось легко. Хотя, если не заикливаться на регулярно попадающихся на глаза «ятях», «ижицах», «фитах» и «ерах», с которыми Эрику доводилось как-то уже сталкиваться при ознакомлении с оригинальными текстами трудов по химии Михаила Васильевича Ломоносова, то вроде бы и ничего сложного. Обычная кириллица. А вот старорусские словеса и фразеологизмы – это что-то. Запинаясь и спотыкаясь о незнакомые или малопонятные термины, Эрик всё же прочёл документ. Не сказать, что всё из написанного он понял, да, признаться, особо и не вникал. Послание заканчивалось неким подобием нравоучения, за которым следовали подпись отправителя письма и... дата написания.

– ...Прежними грехами тех, кто житие свое исправил, корить не подобает, ибо не смотри, кто кем был. Смотреть надобно, каков он ныне есть. Преосвященный Порфирий Черниговский. Писано в лето 6744 года от Сотворения мира... – закончил Эрик и замолк в растерянности.

Впрочем, в растерянности – ещё мягко сказано. Шесть тысяч семьсот сорок четвёртый?! – не зная, что и думать, потерянно повторил он про себя, такую вожделенную и долгожданную, но по-прежнему не ставшую удобопонятной, заветную дату. А, по-нашему летоисчислению, это какой?

В его думы ворвался гневный голос воеводы:

– Ай же, Акинфий! Змей! Тать злокозненный! – возмущенно изрёк он, едва дослушав до конца. – Челобитчиком сам не посмел бысть – ведает собака, все одно князь не помилует. В Чернигов сбег, да там Порфирия улестил вступиться. Видать, с прибытку посулил злата на церкву. Тот и расстарался – Евсевию отписал. А Владыка, понятно, до князя донёс. Ан нет же. Не быть по ево.

Из того, что Эрик успел прочесть, ему отчасти ясно стало, о чем речь. Преосвященный Порфирий – большая шишка в церковной иерархии Черниговского княжества, в состав которого входит и Козельск, – ходатайствовал пред здешним владыкой Евсевием, формально ему подчиненным, о церковном прощении некого Акинфия, который, спасаясь от гнева Козельского князя, удрал в Чернигов. Дескать, оступился человек, так ведь уж покаялся. Мол, задача духовных пастырей в том и состоит, чтоб заблудших наставлять на путь истинный, давая им возможность спасти свою бессмертную душу, и так далее. При этом настойчиво намекал, что Евсевию хорошо бы выхлопотать Акинфию прощение у князя Козельского Ивана за дела Акинфиевы мирские.

У воеводы на сей счет было диаметрально противоположное мнение. Тут же, не сходя с места, не вдаваясь, впрочем, в детали, он поведал Эрику, что Акинфий тот до недавней поры был тиуном. Оказался нечист на руку – позарился на княжескую казну. Крал не то чтобы помногу, но регулярно и не один год. Когда покража обнаружилась, назначено было следствие. Воевода, он же, можно сказать, полицмейстер, провел его по всем правилам и злоумышлен-

ника изблещил. Тот дожидаться уготованной ему участи не стал – от греха подалеже подался в бега. И, как следует из пипсьма, нашёл покровителя в Чернигове...

– Попадись ён мне, в порубе сгною! – под занавес своего повествования грозно пообещал Избор.

От рассказа воеводы об Акинфии повеяло до боли знакомыми проблемами. Сколько столетий минуло, а ничегошеньки не изменилось: казнокрадство, коррупция. Промелькнула мысль: а не тот ли это самый тиун, которого поминал Козьма, сидя в порубе? Хотя, какая разница, тот, другой ли? – отмахнулся Эрик от внезапно возникшего предположения, возвращаясь к своей покуда так и не разрешенной проблеме. Мне бы с этой треклятой датой разобраться. Вот только как? Разве что, на чудо уповать и ждать, что всё разрешится само собой?

В конечном счете, так и оно вышло...

Издавна бытует мнение, что индивидуальности и самостоятельности армия не приемлет. Александр Македонский, а за ним и римляне, которые были не из последних в ряду великих завоевателей, и много кто ещё после них на практике доказали, что для побед в войнах требуется не сборище ярких личностей, а сплоченная безлика́я масса, приученная действовать сообща в строгом соответствии с уставом и приказом. С той поры предел мечтаний любого полководца – войско, состоящее из дуболомов, наподобие тех, что сделал Урфин Джус. С одной небольшой поправкой: они не должны быть такими безмозглыми имбецилами, как в сказке Волкова. А в остальном, чем не идеальные солдаты? Чувство страха отсутствует, равно как и эмоции вообще. Дисциплина железная. Добиться нужного уровня боевой слаженности подобного воинского коллектива значительно проще. Чего, спрашивается, ещё желать командиру?

На практике же всё несколько сложнее – как ты ни навязывай молодым, жадным до почестей и славы самцам тотальную усреднюшку, ни фи́га из этого не выйдет. Кто-нибудь обязательно постарается высунуться, норовя выделиться из толпы, стремясь доказать, что он круче прочих. И отчасти это даже неплохо, потому что всеобщая покорная серость едва ли способна породить гения. Откуда тогда, скажите на милость, взяться новым Бонапартам и Суворовым? Конечно, не всякий выскочка со временем непременно выбьется в стратеги, но без возмутителей спокойствия нигде и никогда не обходилось. Вот и в Козельске – не гляди, что городок с пятак, а вся дружина две сотни гридей – нашлись горячие головы, которые самую малость поднааторев в воинском деле, возомнили себя мастерами экстра-класса и вознамерились заявить о себе во всеуслышание.

Как справедливо подметил Сталин в своей статье «Головокружение от успехов», дух самомнения и зазнайства пьянит людей, они теряют чувство меры, они переоценивают свои силы и недооценивают силы противника. Хотя речь в той статье шла о колхозном строительстве, но основные её положения, как оказались, применимы практически к любой ситуации. Нельзя также не признать, что наиболее действенным и едва ли не единственным лекарством от подобного головокружения является жесткое возвращение из заоблачных высот на грешную землю. Причем, чем жёстче будет посадка, тем лучше. Иначе говоря, полезно ткнуть зарвавшихся, чёрт-те что о себе возомнивших товарищей мордой в грязь, дабы смирить их гордыню и доходчиво объяснить, что для достижения высот мастерства им нужно ещё учиться, учиться и учиться. Впрочем, это уже ленинский завет.

Ирония иронией, но в одно прекрасное утро Эрику довелось стать очевидцем выяснения отношений между такими молодыми да ранними «головокруженцами» и умением, помноженным на опыт. Случай имел место где-то в середине ноября. К тому времени с неделю уже стояла ненастная погода, когда от рассвета до заката небо затянуто тяжелыми свинцовыми облаками, а солнце, если и пробивается сквозь серую хмарь, то лишь на минуту-другую, чтобы снова исчезнуть в наползающих тучах, целыми днями сыплет снег, переходящий в дождь, и наоборот, а по ночам подмораживает так, что поутру вчерашние лужи подёргиваются хруст-

ким ледком. Всё шло к тому, что предсказание бабки Алексихи о ранней зиме и впрямь не сегодня-завтра сбудется.

А то памятное утро выдалось на удивление прекрасным. Спозаранку нежданно-негаданно вдруг растеплилось, небо очистилось, и выглянуло солнце – этакий прощальный привет всему живому от надолго покидающего землю тепла. Народ вывалил из домов на улицы, дивясь нежданному подарку природы. Дружинники, свободные от службы, тоже в стороне не остались: все, сколько их ни было – а набралось порядочно, под сотню, уж точно, – заполнили пожухлую лужайку перед крыльцом гридни.

Настроение у всех было самое благодушное. Те, кому на месте не сиделось, быстро нашли себе занятие: выбрали местечко посуше и под смех товарищей затеяли сначала борцовскую потасовку, а потом, так же играючи, взялись за мечи, энергия-то ключом бьет. Остальные, по большей части наслаждались ничегонеделанием, как, к примеру, Возгарь, который присел на бревнышко, привалился могучей спиночкой к поленице и, сощурившись, таким котяркой грелся на солнце.

Кстати, о Возгаре. Здоровяк, что, в общем-то, было очевидно с самого начала, оказался открытым парнем, вовсе не из тех, кто таскает камень за пазухой. Несмотря на имевшую место, деликатно выражаясь, размолвку, произошедшую между ними при первой встрече, он на Эрика обиды не затаил, рассудив, видимо, по простоте душевной: «Всё по-честному: напросился – получил. А коли не совладал, себя вини...». Кто, как ни он, после того возился с полубесчувственным варягом: буквально на себе оттащил его сначала в мыльню, а потом довёл до Изборова двора. Ничего кроме симпатии такой поступок бесхитростного богатыря у Эрика вызвать, конечно же, не мог и неудивительно, что они сдружились. Одни словом, в отношении этих двоих подтвердилась в высшей степени сомнительная истина: ничто так не способствует установлению крепкой дружбы, как пара добрых оплеух.

Эрик собрался было составить приятелю компанию, но тут его внимание привлёк проходивший мимо человек. Звался он Молчаном. Вот уж, где родители с именем не промахнулись: неразговорчив – лишнего слова не вытянешь. Поговаривали, будто ратоборца круче не только в Козельске, но и во всей Черниговской земле не сыскать. Впрочем, мало кто знал о нем что-то конкретное. Судили-рядили о разном, а достоверно только и было известно, что много лет состоит он при Изборе, но в то же время как бы и сам по себе. Дружбы ни с кем не водит. То появится, то исчезнет. Откуда приходит, куда уходит, только бог да воевода ведают. Лишь в одном все сходились единодушно: на мечях биться Молчан – мастер первостатейный. К тому же – обоерукий, отчего и ходит постоянно при двух клинках, которые даже носит как-то необычно, крест-накрест за спиною.

Относились к нему с уважением, если не сказать, с опаской, а кое-кто завидовал. Неспроста же ходили слухи, будто бы Молчан якшается с нечистым, оттого и на мечях первый. Дескать, запродавал душу врагу рода человеческого за-ради обретения малой толики его могущества.

Ну да какой он там ни будь, а шел себе и шел человек мимо, мало ли по какой надобности, и почти уже миновал скопление молодых резвящихся гридей, когда его окликнул Вышата – из тех молодцев, у кого свербело показать себя во всей красе во чтобы то ни стало:

– Погодь-ка, Молчан!

Тот остановился и вопросительно посмотрел на парня, расплывшегося в нахальной ухмылке.

– Позвенеть мечами не хошь ли? – нарочито громко, чтобы все, кто стоял поблизости, слышали, предложил Вышата.

Голоса смолки. Повисла напряженная тишина. Напрашиваться на хотя бы и шутейный обмен ударами с Молчаном большинству присутствующих представлялось делом неблагодарным, и все с интересом ждали продолжения.

– Можно, – без энтузиазма, как-то даже скучно отозвался Молчан, на лице которого не отразилось ровным счетом ничего. – Кто поединщик?

– Да, хоша бы я, – подбоченясь, заносчиво предложил Вышата. – А нет – сам выбери.

И указал на четверых таких же, как и он, скороспелых витязей, стоявших чуть особняком от основной массы гридей. Молчан окинул их оценивающим взглядом и невозмутимо кивнул:

– Всех разом и выберу.

Кажется, Вышата ушам своим не поверил – на такую фору он не то что не рассчитывал, а и мечтать о ней не смел... На физиономии забияки поначалу явственно обозначилась растерянность, которая сменилась по-детски радостной улыбкой. Ни дать, ни взять, голодный щеняра, которому нежданно-негаданно оковалок обломился. Кое-как совладав с эмоциями, молодой гридь напустил на себя непринуждённо-насмешливый вид и язвительно полюбопытствовал:

– Ой ли? А што как не сдюжишь?

– Не твоя печаль. Авось, как ни то слажу, – всё так же безмятежно отозвался Молчан, неспешно высвобождая мечи из ножен.

Толпа, словно по команде, раздалась в стороны, оставив на освободившейся площадке только Молчана и Вышату со товарищи. Подобные столкновения амбиций случались нередко и воспринимались как нечто естественное – если угодно, как своеобразный способ стравить пар. Серьёзное членовредительство или, того хуже, смертоубийство не допускалось, более того, жесточайше каралось, о чем участники подобных молодецких потех прекрасно знали и старались вести себя по отношению друг к другу корректно.

Ну а для всех остальных, какое-никакое развлечение. Отказать себе в удовольствии поглазеть на схватку с участием Молчана желающих не нашлось. Эрик, которому в кои-то веки представилась, наконец, возможность увидеть знаменитого виртуоза клинка в деле, тоже присоединился к зрителям.

Обнажив мечи, Молчан неподвижно стоял и спокойно наблюдал, как противники обступили его, взяв в полукольцо. Похоже, их маневр не сильно обеспокоил опытного воина, хотя, со стороны могло показаться, что при таком соотношении сил у него шансов выстоять – ноль или около того. Математика-то нехитрая: хоть, сколько будь у тебя мечей, а всё же пятеро на одного многовато. К тому же, все пятеро двадцатилетние, как на подбор, рослые, широкоплечие – посмотришь, глаз радуется. А Молчан – так себе: с виду неприметный, серединка на половинку, да и немолод уже – поди, к тридцатничку подтягивается. Плюс-минус год погоды не делает, но, как не крути, а драйва-то с возрастом должно уже поубавиться... Впрочем Эрик, как обычно, от скоропалительных выводов воздержался. Как говорится, будем посмотреть.

Между тем на спонтанно возникшем ристалище никакой активности пока не наблюдалось, молодняк форсировать события не спешил. Одно дело – заварить кашу, и совсем другое – её расхлебывать. Конечно, гуртом и батьку бить легче, но выступление в полном составе явно не планировалось, а, значит, стало для забияк полнейшей неожиданностью. Согласовать свои действия заранее они просто не успели и теперь мялись на месте, не слишком отчетливо представляя, что делать, чем по умолчанию предоставили право первого хода своему более зрелому противнику. Тот эстафетную палочку принял, развёл опущенные к земле клинки в чуть стороны, став похожим на памятник Гагарину, что установлен в Москве на Ленинском проспекте, и, по-кошачьи мягко переступив с ноги на ногу, принялся плавными округлыми движениями раскручивать мечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.